

Александр Бачило Зимогоры

Пятно

(из цикла «Академонгородок»)

Что это там, под деревьями? Словно кто-то перебегает от ствола к стволу. Или это ветер гоняет тени? Нет ветра. Тяжелые от снега сосновые лапы нависают над тропой...

Вот, опять! Да что там такое?!

Спокойно. Собака какая-нибудь роется в сугробе. И пусть себе роется. А я иду по тропинке. И впереди уже проступают огни. Там — улица, толпа народу, машины, витрины, море света...

Только бы выбраться к свету!

Надо было идти в обход, вдоль дороги. Черт меня дернул соваться в этот лес, с его тенями!

Оно всегда нападает из тени.

Из самого темного угла.

Странно, а ведь там совсем не было темных углов. Был белый песок, на который больно смотреть. Он слепил так, как никогда не ослепит этот снег под холодным желтеньким нашим

солнцем. Там было другое солнце — пепельно-белое, болезненное, поливающее голую землю жаром прямо из зенита. И только одна узкая изломанная щель у подножья стены ухитрилась сохранить полоску тени — такую же узкую и изломанную.

Оттуда Оно и выползло. И убило Фаину.

Зря я об этом сейчас. Дело прошлое, и ничего уже не исправить. Мало ли кого Оно убило с тех пор? Просто Фаина была первой, потому и запомнилась. Собственно, я помню только свой испуг, оглушительный, долго не проходивший ужас. Никакой картинки в памяти не осталось. Потому что выглядит это всегда одинаково...

Нет, что-то там все-таки есть, за сугробами. И это не собака. Не стоит себя обманывать. Оно снова появилось, Оно упорно следует за мной и высматривает себе добычу.

Нашу добычу.

Потому что убивает Оно только в моем присутствии, только у меня на глазах. Словно пытается сделать мне приятное.

Но я не хочу! Не желаю, чтобы из-за меня кто-то умирал! Уехать! Срочно убраться куда-нибудь к черту на кулички, чтобы не видеть ни одного человека. Чтобы этой сволочи некого было убивать!

Хоть это ужасно красиво...

Альберт Витальевич Щедринский дернул за черный шарик. Бачок всхлипнул и залился весенним журчанием в невыносимом мажоре. Альберт Витальевич торопливо, пока не кончились завывания воды, разворачивал хрустящий целлофан. Руки дрожали.

— Нашел во что фасовать! — шептали губы в унисон с посвистом затихающего бачка.

Целлофан раскрылся, но порошок, расплзшийся по мятым складкам был по-прежнему недоступен.

— Чтоб у тебя руки-ноги отсохли! — обиженно хныкал Щедринский, дрожа от нетерпения и страха.

Ему казалось, что невесомый лист вдруг вспорхнет с ладони и улетит, втянутый в ненасытную ноздрю унитаза. Левая рука прокралась во внутренний карман серебристого концертного блейзера и вытянула зеркальце. Некоторое время Альберт Витальевич бессильно смотрел на трепещущий лист целлофана и зеркальце, в котором мелькали огненные зигзаги. Лампочка никак не хотела замереть под потолком и отразиться в зеркальце как следует.

— Нет, не могу, — простонал Щедринский, — просыплю!

Он медленно, боясь вздохнуть, повернулся и с

тоской посмотрел на шпингалет. В одной руке зеркальце, в другой — драгоценный лепесток целлофана. А чем же дверь открывать? Альберт Витальевич попытался сдвинуть шпингалет углом зеркальца. Дверь кабинки неожиданно распахнулась, едва не смахнув порывом ветра весь порошок. Зеркальце грянулось о кафельный пол и отразило вместо одной лампочки целый десяток. Щедринский сунул порезанный палец в рот.

— Руки! Руки беречь! — неразборчиво крикнул он неизвестно кому.

Туалет был пуст.

— Наверняка ведь какая-нибудь сволочь припрется... — слабо простонал Альберт Витальевич.

Но другого выхода у него не было. Другого зеркальца — тоже. Мелкими инвалидными шажками, с дрожащим клочком целлофана в протянутой руке он двинулся к стоявшему в углу столику. Столик был не очень чистый, но лакированный, чем и привлек Щедринского. Выбрав местечко почище, он ссыпал порошок на столешницу, вынул из кармашка визитную карточку и принялся формировать дорожку.

— И визитка-то ломаная, — бормотал он раздраженно, но, закончив работу, снова сунул карточку в кармашек.

Визитка была последняя.

Альберт Витальевич придирчиво осмотрел две ровненьких параллельных полоски порошка абсолютно одинаковой длины и достал кошелек. Нюхать кокаин положено через свернутую в трубочку стодолларовую купюру. Это любой ребенок знает, во всех книгах про это пишут и по телевизору каждый день показывают. Но стодолларовых купюр у Щедринского давно уже не было. Пришлось сворачивать отечественный, довольно засаленный червонец, напоминающий доллары только цветом, да и то отдаленно.

В коридоре простучали шаги.

— Да где ведущий-то?! — в серебряном девичьем голосе слышались нотки истерики.

Альберт Витальевич торопливо вставил свернутый червонец в нос и склонился над столиком...

В полутемной и чрезвычайно захламленной студии, больше похожей на склад такелажного оборудования, был, однако, один уголок, ярко сияющий свежими красками. Здесь, у фанерной перегородки, оклеенной обоями под кафель, расположился нарядный кухонный гарнитур, плита без единого пятнышка, полки с чистой посудой, сверкающие кастрюли и прочие декорации телевизионной программы «Кушать подано». Съёмочная группа, держась в тени, сосредоточенно

смотрела на большой, тщательно освещенный стол, где в обрамлении листьев салата, петрушки и базилика возлежали свеженарезанные колбасы. На границе света и тьмы взбешённой львицей металась высокая, но отцветающая Алла Леонидовна — режиссер программы.

— Ну что ты стоишь?! — грызла она ни в чем неповинную ассистентку, — На мобильник ему звони! У нас полтора часа на съемку осталось!

— Да звонила я! — чуть не плача, отбивалась пухленькая Леночка. — Отключен у него мобильник! Две недели, как отключен за неуплату!

— Чтобы я еще раз связалась с этими бывшими звездами... — медленно закипала Алла Леонидовна, — с этой бездарью, пьянью подзаборной! Ни готовить, ни разговаривать толком не умеет, а строит из себя второго Макаревича! Кулинар! На букву «Х»...

Тут представление артиста закончилось, поскольку Альберт Щедринский сам вбежал в студию, энергично потирая руки.

— Время, время, дорогие мои! — он подскочил к столу, схватил нож, луковицу и улыбнулся в камеру. — Почему стоим?

— Ведущего ждем, — холодно отозвалась Алла Леонидовна.

— Я давно в кадре! — Альберт Витальевич высокомерно поднял бровь. — Давайте мотор!

— У вас пудра комками, — заметила ассистентка Леночка.

— Где?! — Щедринский полез было в карман за зеркальцем, но вспомнил, что зеркальца нет.

— Вокруг носа, где, — Леночка нехотя укусила бутерброд со спонсорской колбасой.

— Пардон! — Щедринский быстро утерся рукавом. — Ну все, я готов!

— А фартук вы не будете надевать? — осведомилась Алла Леонидовна совсем уже ледяным тоном.

— А, черт! Забыл! — Альберт Витальевич схватил со стула фартук с вышитой на груди надписью «Кушать подано» и принялся торопливо завязывать. — Мало того, что я должен сам гримироваться, — обиженно бормотал он, — так еще и это! Костюмер где?!

— Костюмера не дали. — Алла Леонидовна говорила с убийственным спокойствием. — Наша программа внеплановая... Кстати, через час мы должны освободить студию.

— Успеем! — отмахнулся ведущий, прилаживая на голове поварской колпак. — Картошку почистили?

— Это вы у съемочной группы спрашиваете?

— Нет, у Господа Бога! — взорвался артист. — Почему я сам должен заниматься реквизитом?!

— Потому что реквизитора вам тоже не дали!
И вообще сказали, что программа идет последнюю неделю.

Щедринский выронил нож.

— Кто сказал?

Алла Леонидовна равнодушно пожала плечами.

— В координации сказали.

— Что они там знают! — Альберт Витальевич презрительно фыркнул. — Это вообще не их собачье дело! Пока спонсор дает деньги...

— Кстати, сегодня звонили от спонсора, — вставила Алла Леонидовна, и Щедринский понял, что сейчас его снова ударят гораздо ниже пояса. — Прошлая программа не понравилась.

— П-почему?

— Говорят, вы все время заслоняете гостей. А спонсору как раз нужен акцент на простой народ. Спрашивают, где награждение победителей конкурса.

Альберт Витальевич задохнулся от возмущения:

— Это что, моя проблема?! Я им буду рожать победителей? А ассистенты ваши чем будут заниматься? Колбасу жрать?!

Леночка поперхнулась бутербродом.

— Я всем разослала приглашения!

— Ха! Приглашения! Надо было встретиться с

каждым! Это ваша обязанность, дорогая — подавать гостей передачи прямо к столу!

— Ага, щас! — Леночка не собиралась сдаваться. — Они все из области! Где я с ними буду встречаться?!

— Это ваше интимное дело, где встречаться! — грубил Щедринский.

— Мы работать будем сегодня, или нет? — устало спросила Алла Леонидовна.

— Это не работа! — взвизгнул Альберт Витальевич. — Это травля актера на площадке! Я не могу один тащить на себе всю программу, да еще отбиваться от идиотских наскоков!

— То есть вы отказываетесь?

— Да, отказываюсь! — Щедринский тяжело дышал, — ... от чего?

— От работы.

— Не дождетесь! Интриганы! Мотор!

— Мотор идет, — равнодушно отозвался оператор.

Лицо Альберта Витальевича исказила приветливая улыбка.

— Здравствуйте, дорогие любители котлет и профессионалы пельменей! — заорал он, глядя в камеру. — Как всегда в это время, с вами программа «Кушать подано» и ее постоянный теле-шеф-повар Альберт Щедринский!!!.. Ага! Потекли слюнки! И не зря, потому что сегодня мы

снова будем готовить самые аппетитные блюда из продукции многочисленных спонсоров нашей по-пу-лярнейшей передачи!..

Итак, Оно вернулось. И сразу два новых убийства. Совсем, как тогда, в Москве. Я-то надеялся, что Его притягивает густонаселенный город. Думал, если уеду в провинцию, то избавлюсь от кошмара. Не тут-то было. Я нужен Ему как свидетель. Оно словно видит моими глазами то, что творит... Нечто бесформенное и бестелесное возникает где-то на самом краю зрения, во всяком случае мне никак не удастся точно уловить этот момент. Тень, мирно лежавшая в пыльном углу, вдруг начинает двигаться, набрасывается на человека и заглатывает. Вернее, поедает, как кислота, или пережевывает, как мясорубка. Судя по отчаянным воплям. И по тому, как резко они обрываются... Невозможно рассказать, что я испытываю в эти несколько мгновений. Оно питается моим ужасом, и я чувствую, что ужас доставляет ему еще большее наслаждение, чем кровь и мясо. Но самое страшное, что это Его наслаждение передается и мне...

Колесников долго брел вдоль решетчатой ограды бывшего зернохранилища, ныне обращенного в съемочный павильон частной

телекомпании «Монитор». Судя по состоянию ограды, телекомпания переживала не лучшие времена, во всяком случае с «Парамаунтом» пока не конкурировала. Ограда была ржавая и щербатая, половины прутьев не доставало. Колесникову, несмотря на его официальный статус, очень хотелось пролезть сквозь дыру в заборе и пойти напрямик к зданию. Но он не рискнул. Уж больно высокие сугробы намело на этой голливудской территории. Павильон сиротливо стоял в самом центре огороженного пространства, а по соседству с ним, под снежными увалами угадывались огрызки свай и кирпичная кладка еще одного корпуса, недостроенного с зерновых времен. Сразу за территорией, принадлежащей телестудии, начинались бескрайние белые поля, с мелкими перелесками, где по ночам, поди, еще волки на луну выли. Это была самая окраина города...

Да, забрались артисты, подумал Колесников. Ступая глубокой колеей, проторенной грузовиками, он добрал, наконец, до распахнутых ворот и повернул к зданию. Его удивило, что ко второму, недостроенному корпусу тоже шла тропинка, или, скорее, цепочка следов. Кто-то прошел туда-обратно всего несколько раз. Следы огибали едва заметный в сугробах цоколь постройки и терялись где-то за ним. Довольно странно. Что могло понадобиться человеку в этих руинах

Продовольственной Программы? Ладно, это потом. Колесников поднялся на крыльцо павильона, потопал ногами, стряхивая снег, и позвонил в дверь.

К этому времени работа в студии, буквально, дошла до кипения. На плите пускала густые пары большая цептеровская кастрюля со стеклянной крышкой, оператор с осветителями суетились, готовясь снять крупный план блюда, как только оно доварится, а рядом кипятился и плевался не хуже кастрюли раскаленный до последнего градуса Альберт Щедринский.

— Все! Больше ждать нельзя! Мы же не успеем снять концовку! Давайте, как будто готово!

— Так оно еще невкусное, — возразила Леночка, сооружая себе бутерброд из трех сортов колбасы.

— Мне плевать на вкус! — заорал Щедринский, — Мне важен темп, драйв, эмоция!

— Ну тогда пробуйте, — безжалостно сказала Алла Леонидовна, — только жуйте без отвращения! А то вы мне в прошлый раз загубили крупный план голубца!

— Чем это?! — всколыхнулся ведущий.

— Выражением лица! — срифмовала Леночка и прыснула в бутерброд.

— Та-ак, — Альберт Витальевич пошел пятнами, видными даже сквозь грим. —

Прекратится когда-нибудь это издевательство?! Я сегодня же расскажу в дирекции, что вы нарочно срываете съемку!

— А я расскажу, что у вас палец порезанный! — не растерялась Леночка. — И вас с программы снимут!

Альберт Витальевич быстро спрятал руку за спину и обвел съемочную группу тяжелым взглядом.

— Избавиться от меня решили?! Ну мы еще посмотрим, кто от кого избавится! Не советую мне дорогу перебегать, — в глазах его засветился безумный огонек, — никому не советую! Как бы потом не пожалеть!

Последние слова Щедринский выкрикнул громко, с театральными раскатами, что в драматических спектаклях обычно предшествует появлению нового действующего лица. И действительно — дверь открылась, и в студию осторожно вступил Колесников.

— «Кушать подано», — произнес он сакраментальную фразу, — это здесь?

Альберт Витальевич досадливо поморщился, как артист, которому мешают репетировать.

— С рецептами — в редакцию!

Колесников покачал головой.

— У меня не рецепт.

— А! — оживился Щедринский, — так вас

уже отобрали! Вы — гость?

— Нет, я не гость, — вздохнул вошедший, — Я — участковый.

— Э-э... врач? — не понял Альберт Витальевич.

— Милиционер. Участковый инспектор капитан Колесников. Надо бы поговорить...

В примерке Щедринский сразу бухнулся на диван, дрожащими пальцами выудил из пачки сигарету и торопливо закурил.

— Ну как вам наша кухня? — спросил он.

— Я, честно говоря, мало в этом понимаю, — признался Колесников, — а вот жена постоянно смотрит. Недавно приготовила карпа в сухарях по вашему рецепту — всем очень понравилось — и мне, и жене, и Тимке.

— У вас сын?

— Нет, две дочери. И кот.

— М-да... Я, собственно, имел в виду нашу телевизионную кухню. Вы, наверное, обратили внимание: шум, ругань... На самом деле у нас чрезвычайно слаженный коллектив. Просто это необходимый элемент творческой атмосферы. Для бодрости, так сказать.

— Да, бывает... — покивал участковый.

— Так что же заставило бдительные органы окунуться в пучину шоу-бизнеса? — Альберт

Витальевич старался держаться развязно, хотя на душе у него было скверно. Мало ли, зачем пришел к нему этот добродушный мент, отец двух дочерей и кота?

— Нам нужна ваша помощь, — сказал Колесников.

— Слушаю вас, товарищ... — на этом слове Щедринский споткнулся, но другого не подыскал, — ... товарищ капитан.

— Тут на днях из области поступила ориентировочка... — участковый раскрыл папку и вынул листок бумаги. — В райцентре Довольное пропала продавщица гастронома, Сорокина Вера Павловна, сорок седьмого года рождения. Искали чуть не две недели по всей родне, и вдруг дочь увидела ее по телевизору, в вашей программе...

— Ну вот видите! И от нас, значит, бывает польза!

— Не все так просто, Альберт Витальевич. Домой-то она до сих пор не вернулась.

— Погодите, погодите... — Щедринский защелкал пальцами, припоминая. — Вера Павловна, продавщица? Здоровенная такая тетка? Отлично я ее помню! Снималась у нас в конкурсе рецептов.

— Когда это было?

— Когда... — Щедринский посмотрел на большой настенный календарь, весь изрисованный значками и пометками. — Четвертого февраля.

Ровно две недели назад.

— Четвертого? — переспросил Колесников. — Как раз четвертого она уехала из Довольного...

— Может, у нее родственники в городе или знакомые?

— Проверяли. Никого.

— Ну, значит, пристукнули тетку, — легко вздохнул Альберт Витальевич. — Где-нибудь на обратном пути, в электричке. Сейчас это запросто...

— Тогда было бы тело, — возразил участковый, — а по сводкам...

— Да ладно вам, по сводкам! — отмахнулся телеповар. — Кто их в наше время считает, покойников! А, может, под снегом лежит где-нибудь в лесополосе, весны дожидается... Эх, жалко бабешку! Готовила, правда, так себе, но зато бойкая была, с прибаутками, анекдот даже рассказала. Мы ее хотели объявить победительницей конкурса, пригласили на следующую съемку, а она не явилась. Пришлось Бесноватого вызывать...

— Кого? — удивился участковый.

— А, это фамилия такая — Бесноватый Федя. Единственный наш конкурсант-мужчина. По-моему, тихий шизик какой-то. Но на безрыбье, как говорится...

— Так... — Колесников оттянул узел галстука и расстегнул воротник рубашки. — Дела-а...

— Что такое? — встревожился Щедринский.

Участковый порылся в папке и вынул еще одну бумагу.

— Гражданин Бесноватый Федор
Константинович, шестьдесят девятого..., по
заявлению матери, ушел из дома одиннадцатого
февраля сего года, и до настоящего времени его
местонахождение неизвестно...

Она сама пошла за мной. Я и не знал, что она идет, пока не услышал, как поскрипывает снег под тяжелыми ее сапогами. Я был уже возле самой дыры, ведущей в подвал. Мне просто хотелось отдохнуть, посидеть в укромном месте, куда никто не притащится даже случайно. Я больше не мог оставаться с людьми, потому что чувствовал: Оно вот-вот появится. И тут — эта несчастная баба.

— Ой! Извиняюсь! — сказала она. — Я думала, так к выходу короче...

— Нет, — я старался на нее не глядеть, — так не короче.

— Смотрите, вы идете, ну и я за вами! Вот дура-то!

— Угу.

— А это что у вас тут, склад?

— Склад.

— Заваливший какой-то, ни решёт, ни дверей.
Не разворовали бы!

— Не разворуют. Там брать нечего... Хотите посмотреть?

— Да мне оно ни к чему! — она рассмеялась, прикрываясь от смущения вышитой рукавицей, —
Пойду я. На электричку не опоздать...

— Всего хорошего.

— И вам счастливо! До сви... ой! Это чего?

Она увидела что-то у меня за спиной, там, где был пролом в стене. Я не стал оглядываться. Я знал, что это.

Как всегда, мне только краем глаза удалось заметить первое стремительное движение. Снег вспух бугорком у стены, затем чуть дальше появился еще один бугорок, а потом что-то черное, гибкое вдруг вырвалось из-под снега у самых ее ног, вмиг заплело их и с хрустом рвануло. Она ударилась головой, поэтому не закричала сразу. В следующее мгновение ее втянуло в пролом. Я огляделся по сторонам. Широкий, как поле, обнесенный чахлой оградой двор был пуст. Никто не видел, того, что произошло, и не услышит того, что будет происходить дальше. Из подвала раздался первый надрывный вопль, начиналось самое страшное. Я подобрал упавшую в снег рукавицу с вышивкой и полез в пролом — смотреть.

— Значит, будем разбираться... — Колесников, словно табельное оружие, вынул вороненую авторучку и передернул колпачок.

— С кем разбираться? — растерялся Щедринский.

— С телестудией вашей. Интересно мне узнать, отчего это у вас гости пропадают.

— При чем тут мы?! — возмутился Альберт Витальевич. — У нас — кулинарная передача! Мы губернаторов не трогаем и с бандитами не ссоримся! Наши гости — это народ! Кому он нужен?!

— Вот это я и хочу понять. Скажите-ка, а из чего вы готовите ваши блюда?

Щедринский впился в участкового бешеными глазами.

— В основном, из филейных частей. Забиваем зрителя пожирнее и нарезаем кусками...

— Так и записывать? — спокойно спросил Колесников.

Альберт Витальевич только обиженно сопел.

— Вы, между прочим, зря иронизируете, такие случаи бывали, — участковый раскрыл блокнот, поставил на листке дату и время. — Но я, собственно, хотел спросить, кто поставляет вам продукты для съемок.

— А-а... — Альберт Витальевич задышал ровнее. — Ну, разные фирмы...

— В том числе и конкурирующие?

— Вы думаете, они нас между собой не поделили?... Ха-ха! — Щедринский горько рассмеялся. — Передача-то дохлая! Рейтинги никакие. Мы каждого спонсора по месяцу уговариваем, обещаем упоминать через слово, ролики крутить непрерывно, и то они морды воротят!

— А как насчет участников конкурса? Между ними-то вон какая конкуренция! Ссорятся, наверное, ненавидят друг друга?

— Это в Голливуде друг друга ненавидят. А наш хлебороб как только в кадр попадает, у него сразу отнимаются руки, ноги и язык. Не они мне, а я им их же рецепт рассказываю.

— Но Сорокина-то, по вашим словам, была бойкая?

— Луч света в темном царстве!

— Может быть, кто-то ей позавидовал?

— Ну, позавидовал кто-нибудь и что? Убил? За первое место в кулинарии?

— Всякое бывает, — Колесников пожал плечами, — маньяк какой-нибудь, или наркоман...

Щедринский бросил на участкового беспокойный взгляд.

— Вы с ума сошли? Передача и так на честном слове держится, а вы еще с маньяками своими! Не дай бог, слухи пойдут... Нас же

прикроют к чертовой матери, и все! А для меня, может, эта программа — последняя надежда...

Альберт Витальевич уставился в пространство большими глазами.

— Почему последняя? — спросил участковый.

— А? — Щедринский с трудом оторвался от своих мыслей. — Как вам сказать... Артист обязан быть на виду, его должны узнавать. Иначе он на хрен никому не нужен.

— Ну вам-то, Альберт Витальевич, популярности не занимать! — улыбнулся Колесников. — Вы, кстати, почему из Москвы уехали? В нашу-то глушь!

Щедринский снова испытывающе посмотрел на участкового. Ох, не прост он, этот милиционер!

— Потому и уехал, — вздохнул Альберт Витальевич. — Лучше быть в провинции ферзем, чем в Москве пешкой.

— Ну какая же вы пешка! Уж по меньшей мере — конь!

— М-да, — ведущий поддернул потускневшие рукава своего переливчатого блейзера. — Порубали нас, коней... Там сейчас такая рубка идет, аж башня дымит!

— Как же! — Колесников сочувственно покивал, — Не знаешь, какой канал смотреть... Сегодня спорт, завтра — погода...

— Да ведь не один я в провинцию подался, — Альберт Витальевич тянулся за сочувствием, хоть и не доверял участковому. — Вон, осветитель наш, Илья Зимин, тоже, между прочим, не хрен с горы. У самого Никиты оператором был. Подслеповат стал после травмы, пришлось в осветители уйти. Но художник есть художник! Он своими подслеповатыми так свет поставит, как ни один зрячий в Москве не поставит! А вынужден нам тут колбасу освещать...

— Ну, хорошо, — участковый пометил что-то у себя в блокноте, — вернемся к пропавшим. Вместо Сорокиной вы пригласили на съемку Бесноватого. Кстати, кто, конкретно, его приглашал?

— Леночка. Это Ассистент режиссера. Она отбирает рецепты на конкурс. Говорит, позвонила ему, он обрадовался, сказал, что обязательно будет одиннадцатого к пяти.

— И что было дальше?

— Да ничего не было, — Альберт Витальевич развел руками, — не явился Бесноватый!

... Он пришел за два часа до назначенного срока и так волновался, что не мог расстегнуть пальто. В студии, кроме меня, никого еще не было. Впрочем, я тоже был не один. Весь день мне мерещился быстрый промельк тени из одного

неосвященного угла в другой. Это могла быть крыса. Они забредали иногда в студию, вспоминая, вероятно, ее складское происхождение. И точно: скоро я услышал очень характерную возню за картонными щитами у стены. Маленькое, но живучее существо устраивало там свой маленький быт. Я даже рассмеялся облегченно. Крыса! Просто крыса... В ту же секунду где-то на краю зрения появилось черное размытое пятно и метнулось на шум. Картон колыхнулся, как от ветра, послышался дробный топот маленьких лапок, раздался отчаянный тошнотворный писк и тут же оборвался. Наступила особая, хорошо знакомая мне тишина, в которой, казалось, еще затухает эхо последнего вопля. Я понял, что Оно здесь. Развлекается...

В эту самую минуту из коридора донесся звонок. Кому бы в такое время? Охранник должен был заступить только вечером, поэтому я сам пошел открывать дверь.

...Он стоял на крыльце и, казалось, дрожал от холода. Пальтишко на нем и впрямь было не по сезону короткое и ветхое, но из-под вытертого драпчика выглядывал воротник белой рубашки и галстук.

— Слушаю вас, — сказал я без всякого радушия.

Он даже отступил в растерянности, попытался что-то сказать, но лишь промычал нечто

нечленораздельное.

— Вы к кому? — грозно спросил я.

Мне вдруг захотелось, чтобы он испугался и ушел отсюда, дурачок, пока не поздно. Но он не ушел, а дрожащими пальцами принялся расстегивать пальто. Далеко не сразу ему удалось справиться с верхней пуговицей, вторую он просто оторвал, но, наконец, добрался до внутреннего кармана и протянул мне какой-то клочок бумаги. Я долго вертел его в вытянутой руке, с трудом разбирая буквы.

— Бес... Бес... но... ватый. Это что, справка?

Он замотал головой.

— Н-нет. Это фамилия такая — Бесноватый...

Моя.

Я, наконец, понял, что держу в руке разовый пропуск в студию.

— Ах, вы у нас гость... — у меня вырвался тяжелый вздох.

Только бесноватых гостей мне сейчас не хватало...

— Что ж вы так рано, господин Бесноватый? Съемка в пять часов.

— Я пораньше... — выдавил он, — не опоздать... чтобы.

Лучше б ты опоздал, подумал я. Навсегда. Ну чего ты лезешь навстречу злой своей судьбе? Беги!

Но сказал другое.

— Знаете... павильон еще не готов. Монтаж декораций. Придется вам погулять два часа...

Не то чтобы я твердо решил его прогнать, просто во мне вдруг проснулся спортивный интерес: добьется он своего, или его еще можно спасти?

— А п-посмотреть нельзя этот... монтаж? — заикаясь, спросил он. — Я м-мечтал... всю жизнь.

До чего же увлекательно наблюдать, как упорно ищет мышь вход в мышеловку! ...

— Нельзя, — отрезал я. — Не положено по технике безопасности.

— Жалко, — понурился он, — ну ладно, я подожду. Только... может быть, в коридоре? А то холодно.

Очень это было забавно. И все же я решил стоять до конца.

— Можно, конечно, и в коридоре. Если не боитесь.

— Ч-чего не боюсь? — испуганно спросил он.

— Перегореть, — пояснил я. — Когда долго ждешь в коридоре, волнение постепенно возрастает. К началу съемок некоторые актеры доходят до полной непригодности. А вы, я вижу, уже сейчас волнуетесь.

— Да, да, — он стал поспешно застегиваться, — тогда, конечно, не надо...

Я понял, что нащупал больное место.

— Вам бы отвлечься. Не думать о направленной на вас телекамере (в его глазах отразился ужас)... В кафе посидеть. Тут, кстати, есть одно, всего три остановки на троллейбусе.

— Точно, — заторопился он, — три остановки... в кафе... Спасибо! Извините!

Закрыв за ним дверь, я вернулся в студию. Там было тихо и сумрачно.

— Эй, ты! — крикнул я, обращаясь к картонным щитам у стены. — Мяса ждешь? Не дождешься, сволочь! Уехало мясо! На троллейбусе...

Ответа не было. Да я и не рассчитывал на ответ. Знал, как терпеливо Оно умеет ждать. Не эту добычу, так другую. Не сегодня, так завтра. Оно обязательно дождетя своего, что бы я тут ни кричал. И меня же еще сделает соучастником. Гадина!

С разбегу я пнул крайний щит, хотя знал, что за ним никого нет. Картон глухо треснул и медленно отвалился от стены. На нем был изображен человеческий силуэт, видимый только наполовину. Вторая половина тонула в сплошном черном поле. «Пора выходить из тени» гласила надпись на плакате.

Я испугался. Нехитрая госреклама, призывающая всего-навсего честно платить налоги, показалась мне вдруг наглым, вызывающим

посланием с того света — запиской от моего чудовища. Ему не терпелось. Ему было пора. Силуэт человека, наполовину пожарного темнотой, ясно давал понять, чем Оно собирается заняться. Я быстро посмотрел на часы. С минуты на минуту мог прийти кто-нибудь из съемочной группы. Хорошо, если сразу все — Оно не нападает на большие компании — а если придет только один? Господи, что я тут делаю?! Это не Бесноватому, а мне надо бежать, отсидеться где-нибудь в укромном уголке и вернуться, когда все будут в сборе!

Хорошо еще, что есть у меня такой укромный уголок. Там, в подвале недостроенного корпуса, сумрачно, но тихо, и припасены ящики, чтобы не холодно было сидеть. Там мы будем одни — я и Оно, и ни за что на свете не выйдем из тени. Раньше времени...

К концу разговора Щедринский совсем расклеился. Он пропускал вопросы мимо ушей, смотрел в одну точку и думал о чем-то своем. Колесникову никак не удавалось вывести его из ступора.

— Ну ладно, вы, я вижу, устали, — участковый поднялся, — пойду, побеседую с коллективом...

Он открыл дверь и, уже шагнув за порог,

оглянулся.

— ...А потом вернусь, и продолжим!

Альберт Витальевич не отреагировал на его слова. С испуганным изумлением он смотрел куда-то мимо, в темноту коридора.

— Что там такое? — Колесников уловил краем глаза какое-то движение, но, обернувшись, заметил только длинную, угольно-черную тень, скользнувшую по полу.

— Кхм... кошку держите? — спросил он Щедринского, просто так, чтобы справиться с холодком, внезапно пробежавшим по спине.

— Кошку? Н-не знаю... — ответил тот почему-то шепотом.

— Хорошо. Разберемся! — участковый решительно закрыл дверь и направился в студию.

Здесь он застал почти всю съемочную группу за накрытым столом, только двое рабочих лазили по колосникам, натягивая от пола до потолка необъятных размеров синее полотно.

— Чайку выпейте, товарищ капитан! — пригласила Алла Леонидовна и тут же по-хозяйски распорядилась:

— Леночка! Поддай, киска, сервизную чашку из реквизита. Илюша! Сзади тебя стул свободный. Передай товарищу. Вам с чем бутерброд? Салями, сервелат?

— О! Да у вас тут прямо пир горой! —

Колесников не стал ломаться и подсел к столу, тем более, что собирался еще кое-что узнать от съемочной группы.

— Спонсорская продукция, — пояснила Алла Леонидовна. — До следующей съемки все равно не доживет, так что поневоле приходится пировать. Праздник живота, так сказать. При наших-то зарплатах на свои не погуляешь! А у вас как, в милиции?

— М-да, — Колесников покивал, — тоже на сервелаты не хватает...

— А го-орят, сейчас в милиции хо-ошо платят, — сказала непрерывно жующая Леночка, подавая ему чашку чая и тарелку разноцветных бутербродов. — У меня о-ин знакомый в РУ-ОПе служит, так он...

— Ну, сравнила! — хохотнул маленький востроносый оператор. — То в РУБОПе, а то участковым! У меня жена, например, участковый врач. Ну и что? Ходьбы двадцать километров в день, а денег — шиш! Правильно я говорю?

— Есть такой эффект, — Колесников улыбнулся.

— Серьезно? — удивился осветитель Илюша. — А в Москве участковый — самая выгодная должность.

— Да уж куда нам до москвичей! — съязвила Алла Леонидовна, не переставая подкладывать

Колесникову яства, — вы, товарищ капитан, постромы попробуйте! Это новый сорт, просто чудо...

— Спасибо.

— В Москве ж регистрация нужна... — продолжал Илюша, — А регистрацию участковый дает. В том числе и кавказцам. Вот они там на джипах и катаются...

— Кавказцы? — глазки Леночки расширились, насколько позволяли щеки.

— Участковые, — пояснил осветитель. — Кавказцы-то — само собой...

— Скучаете по столице? — спросил Колесников.

Он понял, что это и есть Илья Зимин, бывший оператор самого Никиты. Знать бы еще, кто такой Никита...

— Скучаю? — Зимин прищурился на него подслеповатыми глазами. — Нет, пожалуй. Чего уж теперь скучать?...

— Правильно, Илья! — ввернул востроносый, — Чего по ней скучать? Грязь, грохот, суета! Верно я говорю?

— Угу, — легко согласился Зимин. — Я свое отсуетился.

— Ну почему же? — участковый понял, что Илью будет нетрудно разговорить. — В вашем возрасте на покой как будто рановато!

Зимин покачал головой.

— Вы не в курсе, наверное...

— Кое-что слышал. Говорят, у вас очень высокая квалификация...

— Была, — уточнил Илья.

— Серьезная травма? — Колесников деликатно кашлянул. — Вы извините, что я такие вопросы... если неудобно, то...

— Да ничего! — Илья махнул рукой. — Я уж всем рассказывал. Снимали мы в Каире один боевичок...

— С Никитой? — небрежно осведомился участковый.

— С ним, — Зимин кивнул. — Ну, как всегда, полтонны пиротехники — шашки, пакеты, даже магний, в общем, решили грохнуть, как следует, и грохнули. Полыхнуло так, что у меня в обоих глазах теперь слепое пятно. Врачи говорят — поражение сетчатки. Там, в пустыне, где у нас площадка была, оказался склад оружия, что ли, или химии какой-то.

— Что ж они, не могли выделить вам место для съемок побезопаснее?

— Да склад-то подпольный! Все было запрятано в древней гробнице, никто про нее и не знал, иначе, конечно, нас туда и близко бы не пустили. Гробницу, понятно, разметало, археологи до сих пор по камешку собирают. Но самое

удивительное, что от взрыва никто не пострадал... кроме меня, — Илья вздохнул. — Я-то с камерой ближе всех стоял, как герой! Вместе и погорели. Камеру — в утиль, меня... в общем, тоже...

— М-да... — Колесников помолчал сочувственно. — А что, Щедринский тоже там был?

Осветитель очень удивился.

— Нет. С чего вы взяли?

— Ну... просто подумал, раз вы вместе перевелись из Москвы...

Илья протестующе замотал головой.

— Мы не вместе. Я с ним только здесь и познакомился.

— А он не говорил, почему уехал?

— Нет.

— А вы как думаете? — настаивал участковый.

Илья насупился.

— Понятия не имею! Почему бы вам у него не спросить?

— Он натворил что-нибудь? — шепотом спросила Алла Леонидовна.

— Ну что вы! — Колесников беззаботно рассмеялся. — Просто я расспрашиваю обо всех понемногу. У Альберта Витальевича — о вас, у вас — о нем...

— Но зачем? — не унималась Алла Леонидовна. — Ведь что-то же произошло, раз вы

ведете расследование!

— Я? — очень естественно изумился участковый. — И не думал! Это прокуратура расследования ведет, а я могу только расспрашивать. Вот, например, давайте вспомним, чем занимались все присутствующие неделю назад, то есть одиннадцатого февраля...

Я запер тяжелую металлическую дверь павильона и, на ходу одеваясь, побежал к своему укрытию. Узкие щели, чернеющие в сугробах под снежными козырьками, делали его похожим на замаскированный блиндаж. Последний ДОТ недобитой армии. Отсюда только белым флагом махать... Но я ничем махать не собирался. Для меня это не ДОТ и не блиндаж, а убежище. Убежище от людей, потому что от моего врага мне все равно не убежать...

Едва шагнув в пролом, я понял, что и убежища из моего подвала не вышло. В нос ударил запах табака, от всех щелей протянулись лучи, в которых слоями плавал дым. В самом темном углу что-то булькнуло, послышался сдавленный кашель.

— Кто тут? — я пошел на звук, нащупал в темноте ветхий драпчик и вытащил его ближе к свету.

— Извините, — просипел Бесноватый, — я, буквально, один глоток! Для храбрости...

В одной руке он держал початую бутылку водки, в другой — пластиковый стаканчик.

Все понятно. Парень решил сэкономить на кафе и по врожденной своей стеснительности забрался в подвал — подальше от людских глаз. Вот, скромняга! Ото всех спрятался. Кроме судьбы...

— Чего уж там глоток, — сказал я, — наливай по полной!

Густая тень неслышно прошла вдоль стены, погасив несколько дымных лучиков, и остановилась за спиной Бесноватого. Я поспешно забрал у него бутылку.

— Давай подержу. А то еще разольешь...

... Колесников уже собирался выйти на улицу, когда позади послышались торопливые шаги. В конце коридора показался востроносый оператор. Он очень спешил, но все же сначала тщательно закрыл за собой дверь в студию и только потом подал голос:

— Товарищ капитан! Пойдите! Вы, что, уже уходите?

— Нет, еще вернусь. Снаружи вот только гляну, как и что...

— Да нечего там глядеть! Я знаю, кто вам нужен!

Участковый отпустил ручку двери и

повернулся к нему.

— Надо ли понимать, Игорь Сергеевич, что вы можете сообщить конкретные факты? Никаких личных счетов и обид?

Оператор так энергично тряхнул головой, что на ней торчком поднялся жиденский белобрысый вихор, прикрывавший раннюю лысину.

Колесников вынул блокнот.

— Слушаю вас. Только факты.

— Во-первых, пьет запоями. А возможно и нюхает!

— Так, — Колесников в раздумье постучал ручкой по бумаге. — Ну и что?

— Как — что?! — удивился Игорь Сергеевич. — Остальные-то — нормальные люди! А этот — мутант какой-то! Не дождемся, когда его, наконец, с программы уберут!

— И каким же образом это связано с пропажей людей?

— Да черт его знает, наркомана, что ему в голову может прийти! Между прочим, он к Леночке... — тут оператор понизил голос и привстал на цыпочки, потому что был невелик ростом, — ... к нашей Леночке приставал с непристойностями в особо извращенной форме...

— Это как?

— Во время еды.

— Ужас, — согласился капитан, представив.

— Да разве только к Леночке! — негодовал Игорь Сергеевич.

— Что, неужели и к Алле Леонидовне?!

— Нет, — оператор потупился. — Ко мне...

Когда Колесников, наконец, вышел из павильона, было уже совсем темно. Галогеновый фонарь над входом бросал на снег широкий клин света, но остальная территория бывшего зернохранилища погрузилась во мрак. Закрутившая к вечеру поземка обещала скоро превратиться в настоящую февральскую метель.

— Ай-яй-яй, как нехорошо!

Участковый заторопился. Он наскоро осмотрел павильон снаружи и бегом направился к тропе, что вела через сугробы к недостроенному корпусу. Эта почти нетоптаная стежка еще днем показалась ему странной. Кому и что могло понадобиться там, где торчали лишь огрызки бетонных свай да едва начатая кирпичная кладка?

Обойдя стройку по следу, он обнаружил пролом, ведущий в подвал. Внутри было темно, пришлось светить зажигалкой. Здесь явно бывал кто-то. Дощатый ящик из-под стеклотары был застелен старой газетой. На нем стояла пустая водочная бутылка, рядом валялся пластиковый стаканчик. Разглядеть что-то еще было трудно. Участковый хотел было уже повернуть к выходу,

как вдруг заметил на полу среди обломков кирпича какой-то яркий лоскут. Разглядеть что-то еще было трудно. Участковый хотел было уже повернуть к выходу, как вдруг заметил на полу среди обломков кирпича какой-то яркий лоскут. Это была расшитая пестреньким узором шерстяная рукавица, явно женская, несмотря на довольно солидный размер. Как раз такие рукавички, согласно ориентировке, носила продавщица Сорокина.

— Неужели, так просто? — пробормотал Колесников. — Заманили в подвал и убили? И даже прибраться, как следует, не потрудились...

— Еще не поздно, — сказал кто-то за спиной.

Огонек в руке участкового дрогнул и погас. Капитан резко обернулся. Бледное пятно пролома заслонила тень. По силуэту невозможно было определить, кто это, но голос показался знакомым.

Колесников снова чиркнул зажигалкой. Пальцы вдруг стали непослушными, пламя затеплилось только с третьего раза. Впрочем, вошедший не пытался ни скрыться, ни напасть.

— Ага! — радостно воскликнул участковый. — Вот это кто! Можно было догадаться!

— Да я и не прячусь...

А оружия-то при нем нет, подумал капитан.

— Ну, рассказывай...

Вошедший покачал головой.

— Времени нет.

— Ничего, прокурор добавит! — пошутил Колесников, бочком подвигаясь к пролому. — Не торопись, давай поговорим...

— Я и не тороплюсь. Это ведь не у меня, а у вас времени нет...

Участковый, продолжая двигаться боком, незаметно оттирал собеседника от выхода и, наконец, оказался между ним и проломом.

— Бежать намылился? — он нервно хохотнул. — Все, некуда!

— Это точно, — пришедший тяжело опустился на ящик. — Бежать мне больше некуда. Везде одно и то же...

— Вот и рассказал бы все начистоту! — Колесников, поплевав на пальцы, перехватил горячую зажигалку.

— Бесполезно. Я пытался рассказать кое-кому... из знакомых...

Последние слова были едва слышны.

— Ну, — подбодрил капитан, — и что же они?

— Их уже нет, — сидящий опустил голову.

Колесников поднял огонь повыше. Этот человек не походил на пойманного преступника. Ни испуга, ни злобы в глазах — только усталость. И уверенность в том, что все останется, как есть.

— А ты попробуй мне рассказать.

— Зачем? С вами будет то же самое... — сидящий быстро обернулся, замер, настороженно прислушиваясь.

— Что будет? — спросил участковый.

— Сначала будет больно... Очень больно. Но это недолго. Пока не дойдет до позвоночника... Потом чувствительность пропадает — и легче... — глаза, виновато смотревшие на Колесникова, вдруг осветились. — А вы попробуйте сразу, головой вперед! Может быть, получится... Эх, жалко, что оружия-то у вас нет с собой!

Участковый кашлянул несколько стесненно.

— С чего это ты взял?

— Да вы бы его давно уже достали... — задумчиво произнес странный собеседник. — Вот и пригодилось бы — застрелиться. Быстро и безболезненно...

— Ну вот что, — прервал его Колесников. — Мне эти бредни выслушивать ни к чему, на то есть психиатрическая экспертиза. Пойдем-ка на воздух, а то зажигалка кончается!

Он решительно шагнул к задержанному, но вдруг поскользнулся на ровном месте, словно наступил на что-то живое, рванувшееся из-под ног. Испуганно вскрикнув, он упал на спину, и огонек в его руке погас окончательно.

Все лампы в моем доме горят днем и ночью.

Каждый предмет, способный отбрасывать тень, освещен, как минимум, с трех сторон. Я выбросил все лишнее, я размыл все тени, но это не помогает. Оно уже не прячется. Оно ходит, не скрываясь, среди бела дня, только черный окрас становится бесцветным при ярком освещении. Стеклянная, почти прозрачная масса неожиданно перетекает через середину комнаты от шкафа к дивану или исчезает под дверь. Много раз я пытался сфотографировать Его или снять на видеокамеру — бесполезно. На пленке ничего не остается. Впрочем, может быть, Оно просто не попадает в кадр. Я решил сделать хотя бы рисунок. Взял карандаш и прямо здесь, в тетрадке, где веду эти записи, стал рисовать.

Мне удалось сделать только несколько штрихов. Внезапно страшная, обжигающая боль полоснула по ноге. Я вскрикнул так, что посуда в шкафу отозвалась звоном. От колена к лодыжке пролегла темно-багровая полоса. Корчась от боли, я свалился на пол. И увидел уползающую под диван хвостатую тень.

Оно коснулось меня! Это прикосновение, как ожог кислотой! Теперь я представляю, что чувствуют те, на кого Оно нападает... Но почему — на меня? Из-за рисунка? Оно понимает, что я делаю! И не желает, чтобы Его изображали...

Я осторожно поднялся и снова сел к столу.

Покосился на угол дивана. Там, вроде, спокойно. Ах ты ж, сволочь... больно-то как... Но надо выяснить все до конца. Я взял карандаш и медленно поднес его к бумаге... В соседней комнате вдруг что-то громко хлопнуло, а затем с плеском и хрустом грянулось об пол. Аквариум! Я вскочил так, будто меня снова ошпарило, и бросился туда. Осколки аквариума лежали в луже воды, которая еще бурлила и плевалась паром, докипая. Рыбки, хвостатые мои гурами и меченоски, глазастые телескопы — последняя живность, которая еще могла существовать рядом со мной — лежали теперь раздутые, побелевшие. По комнате расплзался отвратительный запах супа.

Я вернулся к столу, вырвал из тетради лист с рисунком, скомкал и зашвырнул под диван.

— На, подавись!

И сейчас же оттуда раздался тихий шелест — то ли сама бумага распрямлялась, то ли ее осторожно потрогали. Когда через некоторое время я заглянул под диван, чтобы установить там еще одну лампу, листка не было.

... Вчера Оно сопровождало меня всю дорогу до работы, и во время этой прогулки я сделал несколько неприятных открытий. Во-первых, люди не замечают Его, когда Оно этого не хочет. Значит ждать от них помощи не придется. Оно является только мне — между припаркованными у тротуара

машинами, в просветах еловых ветвей на бульваре, в оставленной без присмотра детской коляске. Но никто, кроме меня, не видит этого туманного отпечатка, водяного знака, незаметно вписанного в пейзаж.

Еще одно скверное новшество обнаружилось у самых ворот студии. Навстречу попался прохожий — совершенно незнакомый парень в куртке с поднятым воротником, в глубоко натянутой на уши вязаной шапочке. Он прошел мимо, не обратив на меня никакого внимания, погруженный в собственные полусонные мысли. И вдруг Оно повернуло, потекло следом за ним и скрылось за поворотом. Я не знал, что и подумать. На избавление, впрочем, не надеялся, и, как оказалось, правильно делал. Через час Оно вернулось. Я увидел привычный промельк тени, уползающей на свое излюбленное место в студии — за картонные щиты. Не знаю, что стало с тем парнем, меня это мало волнует. Гораздо неприятней другое. Похоже, скоро Оно научится охотиться без меня. Не наступит ли тогда и моя очередь?...

Утром следующего дня съемочная группа программы «Кушать подано» снова собралась в павильоне. Нужно было записать недоснятую вчера концовку передачи. Леночка принесла из дома обмотанную полотенцем кастрюлю со вчерашними

тефтелями, которые она довела до готовности в собственной духовке, героически преодолев искушение отведать кусочек. Выглядели они, правда, не слишком аппетитно, но зато Альберт Витальевич мог теперь попробовать их без риска для жизни и даже изобразить на лице восторг без особого напряжения актерских способностей.

Все было готово к съемке: новые спонсорские колбасы нарезаны и разложены на столе в окружении свежей зелени, Илья Зимин ярко и красиво осветил кухонный угол студии всевозможными приборами, дающими верхний, нижний, рисующий и контровой свет, востроносый Игорь Сергеевич вставил в камеру новую кассету и прописал «матрас» — полосатую разноцветную таблицу, которую всегда записывают в начале кассеты, Алла Леонидовна мяла нервными режиссерскими пальцами первую сигарету. И только ведущий программы Альберт Витальевич Щедринский к съемке был категорически не готов. Выражение, написанное на его лице, ничуть не походило на кулинарный восторг. Откровенно говоря, лица на нем вообще не было. Руки ведущего мелко тряслись, а слова застревали в горле. Гримировать его пришлось Леночке, поскольку сам он только размазывал грим по лицу безобразными полосами. Выйдя на съемочную площадку, он медленно, как в петлю, просунул голову в лямку

фартука и сипло выдавил:

— Я готов.

— Что с вами, Альберт Витальевич? — Алла Леонидовна выронила сигарету.

Ей вдруг страшно жалко стало этого неприкаянного человека, напуганного и вымотанного, казалось, до последней степени.

— Может, участковый вчера расстроил... — предположил Игорь Сергеевич со змеиным сочувствием.

При слове «участковый» Альберт Витальевич в ужасе схватился за голову.

— Боже мой...

— Вы плохо себя чувствуете? Илья, дай ему стул, он упадет сейчас! Лена, воды! — Алла Леонидовна распорядилась первой помощью не хуже, чем съемочным процессом. — Перерыв полчаса!

— Одну минутку! — раздался вдруг голос, ничем не уступающий режиссерскому в командных интонациях. — Попрошу никого не расходиться!

В дверях студии стоял человек средних лет, коротко стриженный, крепко сколоченный, или, как пишут в детективах: «с шеей борца и носом боксера». Его щегольской костюм в мелкую полоску дополняли темная рубашка и светлый галстук, не хватало только шляпы дона Карлеоне и «Томми-гана» в руках. Позади возвышались двое

широкоплечих парней, вполне подстать боссу.

— Старший следователь Савватеев, горпрокуратура, — представился дон Карлеоне, раскрывая на всеобщее обозрение красную книжечку.

Хлопоты вокруг больного замерли. Да и сам он застыл, судорожно выпрямившись на стуле. Все уставились на книжечку и ее обладателя. Алла Леонидовна озадаченно, по-мужски похлопала себя по карманам, в поисках не то сигарет, не то очков. Леночка раскрыла от удивления свой маленький, в сравнении с общей площадью лица, ротик. Оператор непроизвольно потирал руки. Осветитель Илья, прищурившись, глядел на двух помощников следователя, оставшихся в дверях.

Савватеев, казалось, был удовлетворен произведенным эффектом. Он вошел в освещенное пространство, ногой пододвинул к себе стул и сел так, чтобы видеть одновременно и тех, кто собрался у стола, и тех, кто остался возле камеры.

— Увертюры не будет, — сразу же заявил следователь. — В такой ситуации, дорогие мои, миндальничать не приходится.

Он обвел собравшихся веселым взглядом.

— Тут у вас засели, видно, крутые ребята. Ничего не боятся! Даже милиции. За две недели четыре человека — как в воду! Это круто... — он покивал с каким-то зловещим одобрением.

— Почему четыре? — удивилась Алла Леонидовна. — Разве не два?

— Помолчите пока! — рявкнул Савватеев. — Отвечать будут все! Но только когда я спрошу.

Алла Леонидовна отпрянула, побледнев, да и вся съемочная группа испуганно переглянулась. Как не похож был этот старший следователь на вчерашнего вежливого участкового!

— Итак, что же у нас получается? — зловеще продолжал Савватеев. — Четвертого февраля Сорокина Вера Павловна выехала из своего райцентра Довольное для участия в передаче «Кушать подано». В передаче поучаствовала, но домой не вернулась. Неделю спустя Бесноватый Федор Константинович оделся понаряднее и на троллейбусе отправился на съемки той же самой передачи. Домой не вернулся. Жерехов Вадим, лаборант политехнического колледжа, пошел утром на работу и не дошел. Почему? Да потому что дорога его проходила прямо через территорию известной нам телестудии «Монитор»! — следователь с укоризной посмотрел на всех по очереди, как будто ждал извинений. — И, наконец, ваш родной участковый инспектор, капитан Колесников...

— Что с Колесниковым?! — изумленно воскликнул востроносый оператор Игорь Сергеевич.

— Тихо, я сказал! — Савватеев ударил каменной ладонью по крышке стола. Пирамида спонсорских колбас покосилась.

Следователь встал и обошел притихших телеработников, внимательно их разглядывая, словно посетитель музея восковых фигур.

— Это я должен спросить, что с Колесниковым, — мягко пояснил он. — И ответит мне на этот вопрос... — он сделал еще шаг и вдруг, резко повернувшись, положил руку на плечо Альберта Витальевича, — гражданин Щедринский!

Несчастный ведущий вскрикнул, как подстреленный заяц, и опал бессильно. Все смотрели на него с ужасом.

— А ведь я капитана предупреждал... — быстро заговорил маленький оператор, — этот наркоман на все способен!

— Не может быть! — Алла Леонидовна бросилась к Щедринскому. — Алька, ты что наделал?!.. Неужели, ради своей передачи?! ... Господи!.. — она быстро повернулась к следователю. — Он болен, понимаете? Алкоголик он, и вообще... но совершенно безобидный человек! Его надо на экспертизу! Он не может отвечать за поступки!

— Вы закончили? — вкрадчиво осведомился Савватеев. — А теперь, если не возражаете, все-таки послушаем гражданина Щедринского, —

он подошел к Альберту Витальевичу и взял его за пуговицу. — Так что же произошло на стройке, в подвале? Ты ведь был там... ни-ни, даже не вздумай отпираться! Истоптал весь снег вокруг своими «Катерпиллерами», так теперь уж колись! Ну?

Альберт Витальевич замотал головой.

— Я... ничего не видел, — пролепетал он, — только слышал... Это ужасно... Крик... Он кричал, как будто с него кожу... я... я ушел. Я испугался!

Илья Зимин нащупал позади себя стул и сел. Игорь Сергеевич, стоявший возле камеры, недоверчиво хмыкнул. Следователь похлопал Щедринского по спине.

— Ну, ну, дорогой! Неужели даже одним глазком не заглянул? Никогда не поверю! Наоборот, у меня есть все основания считать, что ты не только **видел** того, кто убил Колесникова, но даже хорошо **знаешь** убийцу. Иначе, зачем бы тебе было рисовать его портрет?

Альберт Витальевич недоуменно поднял глаза на следователя.

— Вот смотри, какую любопытную тетрадку мы нашли на месте преступления! — Савватеев ловко, как фокусник, чуть ли не из рукава вытащил тетрадь в коричневом коленкоровом переплете и раскрыл ее на середине. — Вот подробное описание всех четырех преступлений. А вот и портрет

убийцы!

Неожиданно для всех с места вскочил осветитель Илья Зимин.

— Где?! — в страшном волнении закричал он. — Не может этого быть! Я же вырвал...

Следователь, казалось, нисколько не удивился этому странному признанию.

— Пожалуйста! Можете посмотреть... — он подал тетрадку осветителю, но едва тот протянул за ней руку, как из-под коленкора блеснуло стальное ухо наручников и цепко защелкнулось на запястье Зимина.

— Иди сюда! — сказал следователь.

Уверенным борцовским движением он повалил Илью лицом в колбасы, заведя ему руки за спину, сцепил их наручниками, после чего толчком отправил его обратно на стул.

— Теперь поговорим!

Вся съемочная группа, включая Альберта Витальевича, ошарашено наблюдала за происходящим.

— Вы совершенно правы, гражданин Зимин, — продолжал, как ни в чем не бывало, следователь. — Рисунка нет. Вы его вырвали. Ведь это ваша тетрадь, верно?

Теперь все смотрели на Илью, но он лишь мутно озирался, видимо, сам еще не до конца сознавал, что угодил в расставленную следователем

ловушку.

— Ну, быстрее соображай! — гаркнул Савватеев так, что все снова вздрогнули. — Какой смысл отпираться? Рисунок вырвал, а записи-то остались! — он взял со стола тетрадку и пошелестел страницами. — Интереснейшее, надо сказать, чтение! Прямо жуть берет, честное слово! Хотя, конечно, сразу понятно, что писал человек больной...

Он бросил тетрадь на стол и вплотную приблизился к Зимину.

— Будем смотреть правде в глаза, Илья Петрович! Вы — сумасшедший. И это — ваш единственный шанс попасть не в камеру смертников, а в санаторий для психов. Держитесь этой линии, колитесь охотно и весело — тогда вам ничто не грозит.

Осветитель покосился на него снизу вверх, но промолчал.

— Я ведь вас и поймал так просто, только потому что вы псих, — втолковывал Савватеев, — Конечно, можно было дожидаться результатов графологической экспертизы, но я, знаете, привык работать быстро!

Следователь оглянулся на Щедринского.

— Альберт Витальевич простит меня за маленький наезд. Ведь правда, Альберт Витальевич, вы не сердитесь?

Щедринский поспешно закивал. Савватеев улыбнулся ему поощрительно.

— Вы действительно не могли видеть того, что происходило в подвале, потому что близко к нему не подходили, — сказал он. — А вот вы, гражданин Зимин, не только подходили, но и внутрь лазили! И не один раз! В связи с этим у меня к вам деликатный вопрос: Илья Петрович, а где тела?

Следователь навис над Ильей, как скала, готовая обрушиться на голову. Все, кто был в студии, тоже пристально смотрели на бывшего, теперь уже каждому ясно, что бывшего осветителя. Игорь Сергеевич, как истинный телеоператор, на всякий случай незаметно нажал на камере кнопку записи.

— Так я вас слушаю, — пророкотал Савватеев.

— Ну... вы же читали дневник, — Илья казался довольно спокойным, — Оно их поглотило...

— Оно! — с досадой повторил следователь.

Он жестом согнал со стула Щедринского и уселся напротив Ильи.

— Конечно, это дело не мое, с психами разбирается судебная медицина, — Савватеев сочувственно развел руками, — Но, если хотите, я не хуже любого Фрейда могу объяснить вам, откуда

взялось это ваше «Оно»...

Илья недоверчиво скривился.

— Нет, кроме шуток! — заверил его следователь. — Я ведь со всеми вами уже познакомился, узнал о каждом много интересного... — он приятно улыбнулся Щедринскому, отчего тот вдруг снова почувствовал беспокойство. — Но ваша, Илья Петрович, биография — самая интересная. Просто-таки готовая история болезни. Год назад, в Египте, вы пострадали при взрыве — получили сильную контузию. Кроме того, у вас была травма глаз, а именно — поражение сетчатки. Я ничего не перепутал?

Зимин безразлично пожал плечами. Остальные закивали, подтверждая.

— Так вот, при поражении сетчатки, — продолжал Савватеев, — человек иногда видит то, чего нет. В глазу у него — большое слепое пятно. В сумерки оно кажется черным, его легко принять, например, за человека, медведя, слона или вообще — за бесформенное чудовище, которое ползает где-то рядом, но никак не дает себя разглядеть. А много ли надо контуженному? Один раз померещится, а испуг — на всю жизнь! Вот вам и «Оно»!

Оператор Игорь Сергеевич, как бы между прочим, тронул кнопку на камере, а на самом деле сделал эффектный наезд на лицо Зимина.

Матерьяльчик мог получиться очень интересный.

— Значит, я сумасшедший... — Илья подвигал скованными руками, почесал правую ногу левой, — ... Вижу то, чего нет... — он вдруг поднял голову и злобно посмотрел на следователя. — А кто же тогда их всех убивает?!

У всякого следователя, который хоть однажды читал Достоевского, всегда готов ответ на этот наивный вопрос подозреваемого. Но Савватеев любил нетривиальные решения, поэтому, вместо того, чтобы ответить, как Порфирий Петрович: «Вы-с. Вы и убили-с», он просто схватил Зими́на за ворот своей железной десницей и проорал, брызгая слюной в лицо:

— А вот это ты мне сейчас и расскажешь, псих долбаный! Веди, показывай, куда милиционера девал! Быстро встал!!!

Такие вот внезапные изменения стиля в свое время и сделали рядового следователя Савватеева старшим. Мало кто из подследственных выдерживал его долго — кололись, как миленькие. Однако в случае с Зиминым безотказный метод сбойнул. Вместо того чтобы потерять от испуга всяческую волю к сопротивлению, Илья вдруг с отчаянным криком толкнул следователя ногами в живот, упал вместе со стулом назад и, перевернувшись через голову, снова оказался на ногах. Он сейчас же бросился бежать, но не к двери,

где его ждали двое широкоплечих помощников Савватеева, а совсем в другой угол — туда, где у стены стояли картонные щиты. Все, даже следователь, в первый момент растерялись, и только Игорь Сергеевич, повинувшись операторскому инстинкту, резко повернул камеру вслед бегущему и припал к окуляру.

Илья ногами разбрасывал, мял и крушил картонные декорации, приговаривая:

— Выходи, сволочь! Покажись! Пора выходить из тени!

Большой щит с изображением человека, наполовину поглощенного тьмой, отделился от стены и бесшумно лег на пол, словно перевернулась последняя страница недописанной книги. Дальше ничего не было. Голая стена, расчерченная жирными линиями электропроводки.

— Здесь... где-то здесь, я знаю... — лихорадочно шептал Зимин.

Он пинал стену, толкал плечом, бился головой.

— Ну хватит, — сказал Савватеев. — В камере будешь бодаться! Забирайте, — он кивнул помощникам.

— Сейчас, сейчас... Оно здесь, вы увидите! — Илья вдруг схватился зубами за провод и рванул, что есть силы.

— Выплюнь, дурак! — крикнул следователь.

Помощники, подбежав, схватили Зими́на, чтобы оторвать от кабеля, но в этот момент полыхнуло. Все трое отлетели от стены и растянулись среди обломков декораций. Длинная извилистая молния пробежала по обвисшему кабелю, откуда-то сверху посыпались искры. Ряды больших осветительных приборов, установленных под потолком, вспыхнули с неестественной яркостью. Один из них вдруг сорвался с кронштейна и, продолжая рассыпать искры, медленно, как тяжелая авиабомба, пошел к земле.

— Илья!!! — истерически закричала Алла Леонидовна.

Но Зимин был без сознания. Белый огонь в оправе из черного металла ударил его прямо в лицо. Последняя вспышка показалась всем самой яркой, может быть потому, что после нее наступила полная тьма.

Некоторое время было тихо, затем послышались частые безудержные всхлипывания.

— Прекратите, Щедринский! — сказал следователь.

По стенам заметалось светлое пятно. Один из помощников Савватеева включил фонарик.

— Готов, — сказал он, направив луч на Илью Зими́на.

— Господи, что же это?! — прошептала Алла Леонидовна.

— Я боюсь! — подала голос Леночка.

— Никому ничего не трогать! — скомандовал Савватеев. — Всем выйти в коридор. Перегудин, посвети!

Сам он тоже включил фонарик и подошел к оператору.

— Давай.

— Иду, иду! — заторопился Игорь Сергеевич.

— Кассету давай! — остановил его следователь.

— Какую кассету? — остренький носик оператора зарделся.

— Вместе с камерой заберу, — ппригрозил Савватеев.

— Ах, кассету! — сразу сообразил Игорь Сергеевич. — Пожалуйста! Понимаю, вещественное доказательство... А вы потом вернете?

— Нет, — отрезал следователь.

— Но почему?! — оператор возмутился. — Что тут секретного? Обычный несчастный случай!

— Несчастный случай меня не волнует, — сказал Савватеев, пряча кассету. — А вот секретные методы ведения следствия снимать нельзя...

В коридоре все, включая Леночку, закурили.

Щедринский все еще всхлипывал, ломал дрожащими пальцами сигареты и бормотал раздраженно:

— Уеду к чертовой матери... В гробу я видал такую работу...

Леночка тоже вытирала слезы, только старалась не размазать тушь.

— Ах, Илюша, Илюша... — вздыхала Алла Леонидовна, глядя сквозь зарешеченное окно на снежную равнину с разбросанными по ней перелесками, — ...ведь это же в голове не укладывается!

Она обвела печальным материнским взглядом остатки своей группы и с удивлением остановилась на операторе.

— Игорь! А ты чего глаза трешь? Из-за кассеты расстроился?

— Да нет, — ответил тот, жмурясь и трясая головой, — что-то никак не оклемаюсь после вспышки. Стоит какое-то пятно в глазах — и все тут!..

2000 г.

Не нужны

Честно говоря, я думал, каюк. Напоролись на дрон, а это значит, что жизни нашей осталось на час-другой, не больше. Тут залегай хоть к медведю в берлогу, а беспилотник не перележишь. Будет

кружить — елозить, как пылесос по коврику, каждый сантиметр прощупает и, в конце концов, найдет. Вот он, совсем близко тарахтит, сволочь. Низом идет. Выходит, засек, сейчас всадит...

И вдруг слышу: кудах-тах-тах — обороты сбавляет! Пофырчал, пофырчал — сел. Тут до меня и дошло: это не дрон! Простая патрульная вертушка с парой мордovorотов в кабине. И ведь сели, гады, чуть не на загriвок нам! Дверь открыли, турель откинули, гыргычут чего-то. Когда-то я неплохо понимал по-ихнему, кино без перевода смотрел. Но кино в наших краях повывелось вместе с электричеством. Видимо, решено было, что для поддержания порядка ни того, ни другого не требуется, главное — патронов побольше.

Ладно, переглянулись мы с Матрешкой и лежим дальше, не шелохнемся, ждем, что будет. Хотя я уже догадываться начал. И точно, один мордovorот из кабины выпрыгнул, копыта расставил и пятерней пуговку под брюхом нашаривает. Приспичило, видать, в небесах. Эх, сейчас бы жердиной как заехать пониже той пуговки! И пока корчится, пулемет-то с турели и снять. Очень бы он у нас в тоннелях пригодился...

Да где там! Разве мне такого кабана завалить? Тем более — двух. У них питание и у нас питание. Смешно сравнивать!

И тут Матрешка моя вдруг не выдержала.

— Хоть бы отвернулся, страмец! — шепчет.

Я только глаза на нее выпучил: молчи, дура! У него ж гиперакустика в шлеме!

Поздно. Встрепенулся мордovorот, будто жердью ударенный, и одним прыжком — назад, в кабину. Аж пуговку с испугу потерял.

«Гераут, кричит, гераут!» — дескать, валим отсюда! Эти слова я сразу понял, потому что в ихнем кино они чаще всех попадались.

Грохнул реактивный ускоритель, и вертушку забросило в небо, как из рогатки. Мне полный рот земли насыпало, чтоб им пооторвало там все вместе с пуговкой! Но отплеываться некогда — схватил Матрешку за шкирку, и давай Бог ноги.

— В елки! Скорей!

Метнулись в самую чашу, потом вбок да вниз, в яму. Затаились, слушаем. Вертушка, вроде, ушла, даже стрелять на пробу не стала. Но счастья мало. Эх, Матрешка, Матрешка!

— Что ж ты, красивая, наделала... — вздохнул я. — Вот теперь они точно дрона пришлют по наши души. И куда прятаться?

По всему видно, помирать надо. А ведь полгода жил — не тужил. И чего, спрашивается, с этой дурой связался? Правда, тут бы еще разобраться, кто с кем связался. Не сунься она тогда в мою нору, может до сих пор бы стояла нора, или что они там, норы, делают? Зияла.

Но это уж известное дело: не отгонишь бабу вовремя — обязательно притащит на хвосте беду. Видно лазерная метка со спутника по пятам за ней шла и нору нащупала. Хорошо еще, что бомба прилетела, когда меня дома не было — как раз Матрешку по лесу гонял, чтоб проваливала.

— Почему они хотят нас убить? — спросила Матрешка.

Почему...

Странный вопрос.

— Да они не то чтобы очень хотят — сказал я. — Просто мы им не нужны.

— И что?! Они нам тоже не нужны, почему мы их не убиваем?

Смотрю — она ту самую морпехову пуговку в руках вертит. Когда успела подобрать? Зачем? Заскок у баб на галантейной почве, как у племени Мумба-Юмба.

— Не можем, вот и не убиваем, — я сплюнул.

— А если бы могли? — не унималась Матрешка. — Убивали бы?

Все равно песок на зубах хрустит. Сволочи.

— Что ты ко мне привязалась?! Могли бы — не могли бы! Ни черта мы не можем! — я осторожно выглянул из ямы, но ничего интересного не увидел — елки стояли вплотную. Где-то рассыпал барабанные дробы дятел.

Чтоб ты гвоздем подавился. Дай же

обстановку послушать!

— Надо сидеть тихо и не отвечивать, — продолжал я. — Говорю же, мы им не нужны. Они инвайдеров ищут.

— Да знаю я! — Матрешка дернула плечиком.

— И что же ты знаешь?

— Война у нас тут. С инопланетными.

— У нас! У тебя что ли, босоногая? Это у них война. А мы только под ногами путаемся. Вот чтоб не путались, нас по мере возможности и зачищают.

— Защищают? — глазищами хлопает.

— Да наоборот, дура! Защитят тебя! Так что мать родная не узнает.

Поняла, кажется. Озирается.

— И куда мы теперь?

Хороший вопрос. Своевременный. Дятел как раз притомился, умолк, и по лесу отчетливо так разнеслось: фр-р-р...

Дрон.

Отбегались...

— А что это там?

Опять этот шепоток матрешкин! Прикончит он меня раньше бомбы!

— Нишкни! — губами шевелю. — Умри!

И вдруг вижу — не в лес она смотрит, а вниз, на дно ямы.

И там, на дне, песочек так, воронкой, проседает, проседает, будто подрывает его кто

снизу. Потом — ух! Сразу целый пласт обрушился. И открывается под ним черный провал, широкий — на три моих брюха, и глубиной — в самую преисподнюю. Очень в нашем положении уютный провал...

Ползли долго. Все вниз, лаз узкий, ни перил, ни ступенек, для кого ж его такой делали? Я уже черт знает что готов был подумать, но тут над головой щелкнуло, срикошетило, хлопнул дальний выстрел.

Все в порядке. Люди.

— Не стреляйте! — кричу. — Свои!

А кто свои? Кому свои? Потом как-нибудь разберемся. Лишь бы сразу не убили.

И подействовало ведь! Не стали стрелять. Слышу — идут, свет замельтешил, развиднелось кое-как. Вижу, доползли мы почти до самого выхода из нашей трубы в широкий тоннель. Три фонаря впереди колышутся, бьют в глаза лучами.

— Вылезайте! — командует голос. — И к стене лицом, руки-ноги врозь! Оружие есть?

— Оружие, — говорю, — к ношению и применению категорически запрещено миротворческими силами ООН. Здесь, в левом кармане...

Обшарили, забрали пукалку.

— Патронов не имеется, — объясняю. —

Вышли при добыче пропитания.

— На крыс охотился, что ли? — заросший бородой мужик брезгливо повертел в руках невеликий мой калибр.

— Зачем? На консервы менял.

Мужик покивал бородой.

— Девчонка — сестра, что ли?

— Жена, — говорю поспешно. — Беременная она.

— Ну? — мужик недоверчиво оглядел Матрешку с ног до головы.

Только б не брякнула чего, дура... Вот уже и губенками зашевелила...

— А что? — выпаливаю, — Дурное дело не хитрое! В смысле — молодое...

И чтобы уж совсем заткнуть ее, начинаю петь во все горло:

— Обручальное кольцо! Не простое украшеньё! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!

— Шуткарь... — хмыкнул он без улыбки. — Рано веселишься. Получается так, что придется вас все-таки списать. Нам лишние рты не нужны.

Матрешку вязать не стали, она и так шла безропотно, только глазищи по сторонам таращила — сова-совой! А мне скрутили руки тонкой, страшно резучей да еще и ржавой проволокой. Для

полного счастья толкали прикладами в спину, торопись, мол. А куда торопиться?!

— Слушайте, — говорю, — мы ведь вас не объедем, не обопьем. Слава Богу, руки-ноги есть. Что я, на себя и на Матрешку еды не добуду? Заповедный лес кругом! Дичи — прорва! Да я вас всех прокормлю!

— Иди, иди, — поморщился батяня (так звали бородача остальные двое). — Не хватало нам только, чтоб дронов на нас навел. Кормилец...

— Вы что, вообще наружу не выходите?! — я даже остановился.

Батяня покачал головой.

— Не выходим. Потому и живы до сих пор. Как затворились пятьдесят человек, так и решили: больше никого не брать. Вот как подьемим всё, так и объявим себя — пусть убивают. Но ради вас двоих смерть торопить не собираемся!

— Мудро, — согласился я. — Так мудро, что мне, тупому, ни хрена не понять! Вы что, просто сидите и смерти ждете?!

Батяня помолчал.

— Помирать по любому придется, — философски вздохнул он. — Такое уж наше везение.

— Да с чего вы взяли?! — я прямо кипел от такого скотского безразличия. — Рано или поздно военные найдут этих своих инвайдеров и

переколошматят! А, может — те их! Нам без разницы. Главное — больше не надо будет прятаться!

— Вот, вот — угрюмо кивнул батяня и, глянув на меня исподлобья, вдруг ткнул пальцем в пол. — Чего их искать-то? Тут они, инвайдеры. Под нами...

— Чего от нас хотят? — спросила Матрешка.

— Да погоди ты! — отмахнулся я, — не до тебя сейчас!

Сквозь решетчатое окно кабины козлового крана, куда нас запихнули до вынесения окончательного решения (как будто на голосовании стояло еще какое-нибудь решение, кроме как прикончить!), я видел все гигантское пространство цеха. Посреди зала громоздился опутанный проводами, маслянисто поблескивающий кожух какой-то установки, ни пылинки на ней, ни соринки вокруг. Похоже, не такие уж заскорузлые мужики тут живут, кой-чего кумекают и в технике. Электричество, вон, жгут, не экономят. А где берут?

— Беда наша в том, — задумчиво произнес я, — что мы им совершенно не нужны...

На ступенях металлической лестницы, ведущей в кабину, слышались грузные шаги, отдающиеся басовитым гулом перил. Так себе

музычка, ничего, кроме похоронного марша, не напоминает.

Лязгнул замок, взвизгнула дверь. Вошел высокий, сильно сутулящийся человек с темными кругами вокруг глаз и таким же угрюмым выражением лица, как у батяни. За ним — сам батяня.

— Ну, чего выпучился? — хмуро бросил он мне и сразу отвернулся. — Чуда ждал, что ли? Не будет чуда. Решено всем обществом — вы нам тут не нужны.

— Выходите, — мотнул головой сутулый.

— Минутку! — я прокашлялся, преодолевая сип в горле. — Вы понимаете, что спасти вас от уничтожения может только одно?

Сутулый взглянул на меня с некоторым насмешливым интересом.

— Намекаете, что мы можем выдать военным, где скрываются пришельцы? — спросил он.

— А почему бы и нет?

— Потому что нам известен план миротворческих сил на этот случай, — сутулый вынул из кармана помятый металлический портсигар и щелкнул крышкой. — Превентивный ядерный удар на опережение. Эвакуация не предусмотрена.

— И откуда вы все знаете?! — запальчиво спросил я.

Сутулый не ответил.

— Хорошо, — сказал я, переводя дух. — Тогда другой вариант. Вы пытались установить контакт с этими, внизу?

Подрагивающими пальцами сутулый выудил из портсигара обгорелую с конца самокрутку, чиркнул спичкой, нервно затянулся. Присел на колченогий стул.

— Бесполезно, — сказал он, наконец. — Они не идут на контакт.

— Как именно не идут? Вы сами ходили к ним?

— Никто из посланных туда не вернулся. Некоторых на наших глазах уничтожили с помощью какого-то неизвестного оружия.

— А может быть, они вас боятся? — подала вдруг голос Матрешка.

— Не лезь ты! — прицыкнул я.

Сутулый помолчал.

— Не думаю. Скорее, мы им просто не нужны...

Он глубоко затянулся, закашлялся надсадно и с отвращением вышвырнул окурочек за окно.

— Правда, иногда...

— Что?

— Иногда они проявляют агрессию.

— Хотят выбраться?

Сутулый пожал плечами. Вместо него ответил

батяня:

— Кто ж так выбирается? Палят снизу своими зарядами в белый свет, как в копеечку, а наступать — ни-ни. Ну да мы тут тоже не лаптем щи хлебаем. Наладили плазменную пушку. Постреливаем для острастки вниз, в шахту. Пусть сунутся! Тут ведь в советское время ящик был, много чего испытывали...

— Что еще за ящик?

— Почтовый, — авторитетно пояснил батяня. — Минсредмаш.

Понятнее не стало, но я уже думал о другом.

— Слушайте! Если время от времени они нападают, значит что-то им все-таки нужно?

— Вот вы нам и расскажете, что им нужно, — сутулый тяжело поднялся со стула. — Если вернетесь оттуда...

Очередной пролет лестницы привел на маленькую площадку. Луч фонаря освещал ее сразу всю. Те же закопченные перила, сетчатое ограждение с проплавленными в нем дырами — следами плазменных ударов, квадратный люк в полу. За ним — следующий пролет. Сколько их было уже? Сколько еще осталось? И где, наконец, эти чертовы инвайдеры? Я устал ползти, нащупывать ступеньку за ступенькой, устал вглядываться в тени, устал бояться. Скорее бы...

— А если мы ничего не успеем сказать? — как всегда не к месту ляпнула Матрешка.

— Ты-то уж точно успеешь, — проворчал я. — Прямо мастерица вылезти, когда не просят! Гляди лучше по сторонам! Пока чего-нибудь не увидишь, молчи!

Я стал спускаться в люк.

— Колесо вижу, — доложила Матрешка.

— Заткнись!

— Ладно, — ее босые пятки затопотали по ступенькам у меня над головой. — Только там шевелится что-то...

— Где?!

Я стремительно направил луч на ржавое колесо грузового подъемника. Ничего там не шевелилось.

— Было, а теперь нет, — сказала Матрешка.

Я пошарил лучом вокруг. Обрывок троса, покосившаяся балка, труба с вентилем. Все пыльно, неподвижно и безмолвно.

— Попрятались, — уверенно заявила Матрешка, — на самом деле они давно за нами следят.

— А чего за нами следить? Бери голыми руками.

— Откуда у них руки? Это ж инвайдеры! Они нас поглубже заманивают.

— Врешь ты бессовестно, вот что я тебе

скажу! Очень мы им нужны...

И тут ударила молния.

— Вставай, вставай! — кричал кто-то вдалеке, и так было приятно, что эти слова относятся не ко мне, а к кому-нибудь там, на другом краю земли. А я могу по-прежнему лежать в темноте, не чувствуя ни рук, ни ног, и слушать далекий испуганный голос, чем-то даже знакомый. Ну, да, слегка похожий на...

Матрешка?!

Что-то больно хлестнуло меня по щеке. Голос сразу приблизился. Оказывается, он брэнчал над самым ухом.

— Ну, вставай же ты! Они идут!

Я открыл глаза и сел. От этого мало что изменилось, меня по-прежнему окружала чернильная непроницаемая гуща.

— Кто идет?! Где?

— Да вон же!

Мокрые пальцы вцепились мне в уши и так резко крутанули голову, что я чуть снова не отключился. В глазах вспыхнули оранжевые искры. Хотя... Кажется, это не у меня в глазах. Это у них.

Врать не буду, струхнул. Да и кого не прохватит морозом вдоль позвонков, когда из пещерной тьмы кинутся этакие волчьи светляки?

Я кое-как, хватаясь за воздух, поднялся на

ноги и тут же треснулся макушкой о какую-то железяку — в темноте гулко раскатилось эхо.

— Осторожно, здесь перила! — прошипела Матрешка.

Ничего не скажешь, умеет вовремя предупредить.

Огни быстро приближались, где-то звякнуло, скребануло острым по железу, гукнул, просев под чьей-то тяжестью, металлический лист настила.

— Где фонарь? — прохрипел я.

— Тут, — доложила Матрешка. — А что?

— Где тут?! Включай скорее!

— Так ведь заметят нас!

Я метнулся на голос, ухватил ее за плечи, вырвал из рук фонарь.

— Дура! Давно заметили!

Желтый круг света сначала уперся в лестничный пролет, круто уходящий вверх, потом в закопченную стену шахты, и, наконец, нырнул в темный проем. И сейчас же мерцавшие там огоньки превратились в людей с факелами...

— Хватит врать! — тощий человек, допрашивавший меня, напоминал складной нож — то переламывался в пояснице, будто собирался сложиться вдвое, то резко, с пружинным щелчком, распрямлялся, и мне каждый раз казалось, что вот сейчас он тоже долбанется башкой о какую-нибудь

железяку. Однако ничего инопланетного в нем не было — обычный голодранец с синими буквами татуировки на волосатых пальцах: «Вова».

— Где вы прятались? — острый, как лезвие, его нос оказался у самого моего лица. — Не выкручиваться! Отвечать быстро! Ну?

— Да мы, вроде как, и не прятались... — пробормотал я.

— Не выкручиваться, я сказал! — взъярился складишок. — Это — что?!

Я пожал плечами.

— Фонарик.

— Фонарик! — драматически взвыл он, распрямляясь до потолка. — Не фонарик, драть твою дратву, а новый, с иголки, фонарь, да со свежими батарейками!

В доказательство он пощелкал тумблером, озаря электрическим светом полутемную комнатку с торчащей в углу лучинкой.

— А ведь это значит — что? — спросил он зловеще.

— Что электричество изобрели, пока вы сидите тут, — буркнул я.

Надоел он мне страшно. Чего из себя строит? Следователь хренов!

Вова покивал.

— Очень смешно. Очень. Но неправильно! — он резко сложился буквой «Г» и доверительно

сказал мне на ухо:

— Это значит, что ты и твоя подружка нашли где-то новый склад. Склад, о котором никто не знает. И жируете, пока мы все с голоду пухнем!

Не очень-то ты распух, подумал я, но вслух говорить этого не стал.

— Нигде мы не жируем! Мы же только что пришли!

— Откуда? — хитренько сощурился Вова. — Я на всех складах людей знаю. Вы с какого?

— Мы от батяни, — сказал я.

Долговязый не понял.

— Тут все от батяни да от мамани! С какого склада, спрашиваю!

— Да ни с какого! — я ткнул пальцем в потолок. — Сверху мы! Из-под неба голубого!

Складишок с лязгом распрявился.

— Че... че-го?!

Он уставился на меня растерянно, потом вдруг хрюкнул, совсем не по-детективски и затрясся, как током дернутый.

— Све... ой, не могу! Сверху!

Мне прямо обидно стало.

— Что я смешного сказал?!

Но он только отмахивался обеими руками, заходясь.

— Девчонку мою верните! — потребовал я, пользуясь таким приступом начальственного

веселья. — Перепугаете насмерть дуреху!

Вова не обращал на меня внимания. Изнемогая от смеха, он открыл дверь в коридор и прорыдал:

— Садык! Иди сюда! Тут комик зажигает не по-детски! И девку веди! Может, хоть при ней его стыд возьмет!

В коридоре застучали шаги, и на пороге появился низенький узкоглазый человек. Голова его была выбрита, а, может, полысела ровно наполовину — от шишковатого лба до темени. Дальше, без перехода, начинались густые черные волосы, заплетенные на затылке в косицу. Мне сначала показалось, что на нем тесный девичий парик, который он так и не сумел натянуть на лоб.

— Погоди смеяться, Вован, — узкоглазый недобро сверкнул на меня своими щелками. — Сначала надо этого спросить. Очень сильно спросить.

— Учи ученого! — огрызнулся Вован. — Чем я, по-твоему, тут занимаюсь?! Говорю же, веди девку!

— Девка совсем дурная. Знаешь, что говорит? — Садык за шею пригнул Вована к себе и прошептал что-то ему на ухо.

Складишок лязгнул, выпрямляясь, совсем как выкидная наваха перед генеральной поножовщиной, и резко повернулся ко мне.

— Да вы что, сговорились, что ли, над нами издеваться?!

— Ну, что опять? — устало вздохнул я.

— Не могли вы сверху придти! Ясно? Не могли!

— Почему это мы не могли? — я постарался вальяжно развалиться на шаткой табуретке, опасаясь, что она сама развалится подо мной.

— Да потому, дубина такелажная! — сказал Вован с нескрываемой обидой. — Потому что над нами — инвайдеры!..

И этот туда же. Инвайдеры... Когда-то их называли пришельцами. Инопланетянами. Потом, когда в охоту за ними включились международные силы, появилось буржуйское словечко — инвайдерс. А еще потом, когда выяснилось, что мы, местные, только мешаем охоте, все наши слова стали не нужны. Как и мы сами.

Не знаю, видел ли кто этих инвайдеров живьем. Мне как-то не довелось. Вот и теперь: Батяня говорил, что инвайдеры внизу, в шахте. Пришли вниз — тут говорят, что они над нами... И не поспоришь. Кто-то ведь шандарахнул меня разрядом там, на лестнице!

— Ты чего им наплела? — спросил я Матрешку, когда мы, наконец, остались одни.

Хозяева преисподних чертогов (материальные склады научно-производственного объединения «Вектор») ушли совещаться, предоставив в наше распоряжение шикарную кладовку с тюфяком на полу, запас лучинок, банку консервов, пару сухарей и кастрюлю теплой жижи, предназначенной тут изображать чай. Дверь, правда, заперли. Но все равно, с чего бы вдруг такая щедрость?

— Признавайся, наврала им с три короба?

Матрешка оскорблено хлопнула глазищами.

— Ничего я не врала! Как было, так и рассказала!

— Ну, и как, по-твоему, было?

Ответить она не успела. В дверь деликатно постучали, потом щелкнул замок, и в приоткрывшуюся щель протиснулась нечесаная голова.

— Можно к вам?

— А! Коля! — оживилась Матрешка. — Заходи, заходи! Не стесняйся!

Ишь ты. «Не стесняйся». Быстро освоилась!

— Я вам настоящего чайку принес, — радостно сообщил всклокоченный парень в драной тельняшке, подавая две дымящиеся кружки. В самом деле, пахнуло чаем. Настоящим, в настоящих фарфоровых кружках. Может быть даже и с сахаром...

— Ну, как ты? — он с любопытством

разглядывал меня. — Оклемаюсь?

Я молча кивнул, отхлебывая. Надежда на сахар не оправдалась. Ладно, и на том спасибо.

— Жарко пришлось там, на лестнице?

— Спрашиваешь! — ответила за меня Матрешка. — Как налетели эти со всех сторон, как давай палить! Ну, думаем, крышка! Мы — вниз, сыпем кувырком, без ступенек! Они — за нами! Догнали бы — и конец. Хорошо, что мы нашли способ близко их не подпускать! Но только добрались до последней площадки, вдруг — Бац!

— Ага! — оживился Коля. — Значит, не зря мы вас огоньком снизу прикрыли? Отсекли этих?

Я чуть коленки не обварил, расплескав чай.

— Отсекли?!

— Да вы нас просто спасли! — живо влезла Матрешка. — И откуда у вас такая штуковина дальнобойная?

— Собрали кое-что тут, по кладовкам, — разулыбался Коля. — От секретных физиков осталось. Но у нас тоже есть спецы, будь спок! С допуском до трех тысяч вольт! Трансы подмотали, кондеры нашли подходящие — лупасит так, что не сунутся! Только ты скажи. — он снова повернулся ко мне, — как они выглядят? На людей похожи, нет?

Я прислушался к гулкой пустоте в голове и покосился на Матрешку. Она азартно смотрела на

меня во все глаза.

— В целом... как сказать... — с трудом пробормотал я, — в темноте разглядеть трудно...

— Вот именно! — Матрешка поощрительно погладила меня по спине.

— Ну, ясно, ясно, — сочувственно закивал Коля. — А все-таки интересно, как же это вы прорвались?!

Мне это тоже было интересно. Вернее, я начинал догадываться, но что-то подсказывало мне, что Коле этого говорить не следует. Может быть, лежащая на затылке ладонь Матрешки с острыми, как у белочки, коготками?

— Сколько раз наши пытались подниматься, — с горечью сообщил Коля, — и артподготовку предварительную проводили, но куда там! У инвайдеров такое оружие — сметает все!

— Как же вы тут оказались, под ними? — спросил я.

Коля махнул рукой.

— Давняя история. Как начали гонять инвайдеров, так многие сюда попрятались. А что? Место тихое, давно законсервированное, натовцы про него не знают — ну и набились, кто мог. Думали пересидеть суматоху. Год просидели на консервах да перловке — надоело. Полезли назад, а хрен — сверху уже инвайдеры!

— Откуда ты знаешь, что инвайдеры? — не утерпел я. — Вы же их в глаза не видели!

Коля улыбнулся мне, как неразумному ребенку.

— А оружие-то! Не с пулеметов, поди, по нам сядят! А лучами смерти!

— Так ведь и вы... — начал было я, но вскрикнул от внезапной боли и умолк.

Все-таки очень острые коготки...

— Чего — мы? — не понял Коля.

— Он говорит, — ответила за меня Матрешка, — Что мы и вас наверх выведем!

Коля вздохнул с надеждой.

— Хорошо, кабы так... Но мимо инвайдерских пушек... мышь не проскочит... многие у нас не верят вам...

— Говорю же, мы знаем способ! — уверенно заявила Матрешка.

— Ты что, с ума сошла?! — я метался из угла в угол кладовки.

Коля ушел окрыленный, пообещав достать на складе сахару. Едва дождавшись, когда за ним закроется дверь, я напустился на Матрешку.

— Как мы их выведем, дурья твоя башка?!

Матрешка смотрела на меня с беспокойством.

— Только ты, пожалуйста, инвайдеров не бойся! — сказала она с мольбой, — У меня, правда,

есть способ.

— Да какие, в задницу, инвайдеры?! — не выдержал я. — Думаешь, я не понял, что ты все эти битвы сочинила?! Нет никаких пришельцев! Эти идиоты всю дорогу воевали друг с другом! Но если мы попытаемся вылезти из шахты, верхние решат, что это новая атака и ударят плазменной пушкой! Пыль от нас останется!

— Ты всегда такие умные слова говоришь, — с восторгом прошептала Матрешка. — Что я поневоле тебя слушаюсь. Но пожалуйста! Послушайся меня и ты. Один только разочек! Просто поддакивай и все. Остальное — я сама...

— Чему я должен поддакивать?! Твоему вранью про инвайдеров?

— Почему вранью? Может, это правда. Ты же не видел, тебя вырубили...

— Кто меня вырубил?! Этот твой Коля с допуском до трех тысяч вольт, вот кто меня вырубил! Отсекли они! Прямой наводкой в лоб!

— Тем более не надо с ними спорить! Инвайдеры, так инвайдеры.

— Почему просто не объяснить им, что они идиоты?

Матрешка посмотрела на меня строго.

— Потому что тогда мы будем им не нужны.

Снова заскрежетал замок. Дверь открылась, вошли хмурые Вован и Садык. За ними появилась

высокая женщина, закутанная в расползшийся полушалок.

— В общем, так, — с порога сказала она. — Ни одному вашему слову мы не верим!

Некоторое время все молчали. Вован с Садыком только робко поглядывали на женщину. Она прошлась туда-сюда по коморке, словно распаяя себя перед оглашением приговора.

Я почувствовал, что хочу спать. Устал. Надоело все. А ведь сейчас опять придется упрашивать и доказывать...

Женщина вдруг остановилась в углу, вынула из защепа догорающую лучинку, осторожно заняла от нее новую, воткнула на место и, наконец, повернулась к нам.

— Нам больше нечем кормить людей, — тихо сказала она. — У нас нет выхода. Мы принимаем ваш дурацкий план... Но если вы подведете нас под лучи смерти, то первыми...

Матрешка сорвалась с места и подбежала к ней.

— Теть Зин! Вот честное-пречестное слово! Все будет в порядке! Мы отвечаем!

Вереница поднимающихся людей вытянулась на два лестничных пролета. Их было человек сто, некоторые с детьми — бледными, заморенными, еле передвигающими ноги или безвольно

свесившими головенки из заплечных сумок. Всем было страшно, но все упорно ползли вверх, пролет за пролетом, лишь бы скорее увидеть небо.

— Как хорошо, сказала Матрешка.

— Что хорошо? — спросил я.

— Что мы нужны этим людям. Иначе бы нас убили...

— Ты шутишь? — удивился я.

Она не ответила.

— Ну что, пора? — обернулась шедшая впереди Зинаида.

— Пора, — сказала Матрешка и громко, чтоб все слышали, произнесла:

— Три — четыре!

Стены шахты сотряслись, загудели и запели вместе с многоголосым хором, не так мелодичным, как громогласным:

— Обручальное кольцо! Не простое украшеньё! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!..

— Ну, вы даете, черти болотные! — батяня отбил руки, хлопая себя по ляжкам. — Мы же чуть Богу душу не отдали, когда ваш хор услышали!

— Хорошо, что из пушки не пальнули! — искренне посмеялся и я.

— Непременно пальнули бы! — заверил батяня. — Песню портить не хотелось!

Он утер набежавшую от хохота слезу.

Пришлых снизу расположили в том самом цеху, где недавно держали нас с Матрешкой. Верхние помогали Зинаиде устроить, напоить и накормить людей, не скупясь, делились невеликими своими запасами.

Вот и попробуй, подумал я, расскажи им, что пять лет они лупили друг в друга из плазменной пушки и электроразрядника... Лучше повременить. Пусть сами догадываются.

— Однако, как же вы, все-таки, инвайдеров обминули? — наседал батяня, — Неужто, и на них херувимское пение действует?

— Действует, — пропыхтела Матрешка.

Она тоже помогала Зинаиде и теперь волокла мимо нас пухлый узел, набитый одеялами, кое-какой одежкой и прочим тряпьем.

— Пение на всех действует. Нам бы еще такую песню подобрать, чтобы солдаты нас не тронули...

— Как же, не тронут, жди! — я плюнул на пол. — Они наших песен не понимают. Да и близко не подпустят. Заметят со спутника — и ракетой. Как ты им споешь? По радио разве что. Только где оно, радио?

— Радио-то, положим, есть... — батяня почесал за ухом. — Был у нас тут один любитель. Хотел по радио с инвайдерами договориться. Да мы

его к ним пешим порядком отправили. Вроде, как вас. Не дошел, видно...

— Его-то за что?! — Матрешка сердито сбросила с плеча узел.

— Чтоб не своевольничал, — твердо произнес батяня. — Житие наше тихое, секретное. Нам радиосигналы не нужны...

Неожиданно по цеху раскатисто прогремели шаги, появился Вован-складишок с пистолетом в руке, косолапя, подбежал к нам.

— Хреново дело, ребята! Нас засекли!

Батяня поблек лицом.

— Кто засек?! Где?!

Вован скрипнул поясницей, распрямляясь.

— Мы с Садыком решили наружную обстановку разведать. Сколько лет солнышка не видали! — он чуть не плакал. — Ну и напоролись на дрон...

— Солнышка?! — батяня ухватил его за грудки и пригнул чуть не до земли. — Вот налетят каски, они вам покажут солнышко!

— Они уже тут, — всхлипнул складишок. — Из вертолетов высаживаются. Прямо у лаза.

Батяня издал сиплый рык, но тут же взял себя в руки. В нем словно включилась программа — он говорил и действовал так, будто давно был готов к происходящему.

— Чеснок, Булыга — за мной! Гоня! Передай

Сутулому — пусть разворачивает пушку! Мужики, которые снизу пришли! Патроны, стволы — в кладовке прямо по коридору! Всем — в ружье!

И кинулся к выходу. Я рванул за ним.

— Подожди! Куда ты?! — завопила Матрешка.

— Сиди здесь! — крикнул я. — Не суйся, куда не просят! Скоро вернусь!

— Да нет же! — испугалась она, — Не так надо! Послушай!

Но ее уже оттеснили бегущие следом за нами мужики.

Оказалось, у батяни не один тот лаз затаен был, через который мы с Матрешкой попали на завод. По всему лесу нор нарыто и замаскировано, и к каждому ведет ход — где хочешь, там и вылезешь. Мы с Садыком и Вованом едва поспевали за батяней, ползущим впереди по узкому, полузатянutoму глиной тоннелю. Только мелькали в луче моего фонаря его пятки, да локти, при этом он еще умудрялся тащить за собой на ремне длинную неповоротливую винтовку, замотанную в мешковину.

— Обложили... — слышалось его скрипучее бормотание. — Егеря сопливые! Ничего, это мы еще перемеряем, кто кого плотнее обложит!

Наконец, он остановился, велел погасить

фонари, послушал некоторое время в темноте, а затем осторожно снял доску перегородки, закрывающей лаз. В глаза ударил дневной свет.

— Вылезай по одному, — прошептал батяня, обернувшись. — Да не шелестеть мне!

Друг за другом мы выбрались в неглубокую лощинку, заросшую высокой травой. Полежали на дне, вглядываясь в небеса. Дронов не было.

— Совсем страх потеряли, — проворчал батяня. — Буром прут, без разведки. За мертвых нас держат, что ли?

Он выполз на край лощины с биноклем. Я осторожно высунул голову рядом. Садык с Вованом остались внизу. Стыдясь за промашку, они теперь шевельнуться боялись без команды.

Даже без бинокля мне было видно, что каски засели прямо напротив главного входа в бункер, но пока не шевелились.

— Технику ждут, — уверенно сказал батяня. — Дверь прожигать будут...

Он вдруг резко повел биноклем вправо.

— А эти куда?!

Тут и я увидел группу человек из пяти, скрытно пробирающуюся в обход бункера — прямо в нашу сторону.

— Э, нет! — сказал батяня, разматывая мешковину с винтовки. — Так не пойдет. Штурмуйте с фасаду, если нейдет, там вас

сутулый встретит! А на флангах мы вас подавим!

Он припал к окуляру прицела.

— Далековато, черт!

— Да нормально, — возразил я. — Это ж Ремингтон, а не СВД. Влепит, как в бубновый туз!

Он строго покосился на меня.

— Ах, да... Это ж ты обещал всех нас дичью прокормить!

И сунул винтовку мне.

— Ну, давай, охотничек, покажи себя!

Я пожал плечами, улегся поудобнее и прицелился. Подумаешь, задача! Хаки ползли осторожно, но в окуляре мощного «комбат гансайта» были видны, как в домашнем кинотеатре. Я выбрал того, кто пониже других задирает задницу — наверняка сержант.

— Сзади! — неожиданно выдохнул Садык.

Я резко обернулся.

Они со складашком припали к земле по обеим сторонам лаза. Из глубины тоннеля слышалось отчаянное сопение, шарканье, перестук худых мослов. Я понял, что это кто-то из своих. И действительно, в отверстии показалась голова Коли. Проморгавшись на солнце, он сразу ринулся ко мне.

— Срочно! Она сказала отдать раньше, чем ты выстрелишь!

— Кто — она? Что отдать? — я не сразу

понял, о чем он.

— Матрешка! — Коля что-то вынул из кармана и протянул мне. — Это очень важно!

— Тьфу ты, мать честная с такими вояками! — рассердился батяня, отбирая у меня винтовку. — Стрелять надо, а они — по матрешкам! На позицию девушка провожала бойца, мать вашу так!

Я с удивлением рассматривал то, что принес Коля. Это была маленькая невзрачная пуговица военного образца. Ну да, я видел ее не так давно у Матрешки, она подобрала ее в лесу, когда мы спасались от патруля. Но ничего особенного в этой дурацкой пуговке не было...

И тут меня накрыло. Это было как внезапное пробуждение. Только мой сон длился полгода...

— Himmelherrgott!!! Радио! Мне немедленно нужно радио!

Я ухватил батяню за ворот и потащил за собой к лазу.

— Никому не стрелять! — гаркнул я остальным. — Передайте всем — ждать и не шевелиться!

— Так точно, господин генерал, сэр! Это было недоразумение. Никаких инопланетян не существует, вторжения не было. Русские, как всегда перепугали сами себя. А все эта их факен

секретность!

— Ты с кем это разговариваешь?

Я вздрогнул, быстро снял наушники и щелкнул тумблером. Лампы допотопного любительского передатчика, разложенного во всем безобразии на колченогом столе в каморке батяни, медленно погасли.

Матрешка глядела на меня своими огромными глазами. Сова совой!

— Видишь ли, — смущенно начал я. — Теперь, когда все выяснилось, операцию можно отменить... Ну и... нет смысла скрывать, что я не просто так проник в этот бункер... надо же было узнать... Зато теперь мы все можем выйти наружу, нас не тронут! У меня наконец-то есть связь!

— А раньше не было? — в Матрешкиных глазищах, как мне показалось, пряталась насмешка.

— М-да... Когда-то была рация, но... По глупой случайности... Помнишь, в тот день, когда ты пришла ко мне в землянку?

— Помню, — улыбнулась она. — Ты еще бегал за мной по лесу с дубиной и кричал, что я тебе не нужна, и чтоб убиралась ко всем чертям...

Я поежился.

— Вот-вот. И тут этот шальной снаряд — прямо в мою нору... — я вымученно улыбнулся. — Можно считать, что ты меня спасла!

— Это был не снаряд, — с улыбкой сказала

она.

Я осекся.

— То есть как?

— Мне очень мешал этот твой передатчик.

Нужно было от него избавиться.

Онемевшей рукой я с трудом нашарил за спиной стул и сел.

— Ты о чем это, Матрешечка?!

Она присела на край стола. Помолчала, беззаботно болтая босой ногой.

— Прости, у меня не было выхода. Пришлось сделать так, чтобы ты забыл, кто ты такой.

— Зачем?!

— Мне же нужен был телохранитель! Мой Кокон был поврежден и не мог сразу зарастить свои раны. Это заняло пять лет. Но я не жалею — это были полезные годы... — она взяла со стола кусочек олова и задумчиво помяла его в пальцах. — Я досыта насмотрелась на людей. Думаю, впечатлений хватит надолго. Теперь Кокон здоров, войска отходят, я могу лететь.

— Подожди, подожди! — я схватился за голову. — Что ты мне тут... Хочешь сказать, что ты — инвайдер?! Не ври, пожалуйста!

Олово в ее руке вдруг потеряло форму, прокатилось радужной каплей по ладони и закапало с кончиков пальцев на стол.

— Инвайдер — это захватчик, —

назидательно сказала она. — Я у вас ничего не брала. Это вы разбили мою тачку своей ракетой, так что — кто еще кому тут захватчик! Нет, я не обижаюсь — вы ведь в каждом видите инвайдера, даже друг в друге. Не пойму только, какая вам от этого польза. Но обещаю подумать на досуге...

Прежде чем я успел отшатнуться, она снисходительно потрепала меня по голове прохладной ладонью, потом повернулась и направилась к двери.

Я вскочил.

— Подожди, Матрё... то есть... ты что же, вот так и уйдешь?!

Она обернулась.

— Хочешь что-то сказать на прощание?

— Да!.. Нет. Я не дам тебе уйти! Я сейчас же вызову спецназ, авиацию, тучу дронов...

Она разочарованно покачала головой.

— А я надеялась, что ты расскажешь, как будешь по мне скучать...

Я щелкнул тумблером передатчика.

— Не собираюсь с тобой шутить! Стой, где стоишь!

— Перестань, — поморщилась она, поднимая руку. На ее ладони лежала самая большая радиолампа из батыниного передатчика. — Не превращай трогательное расставание в скандал с битьем посуды!

Лампа грянулась об пол и разлетелась вдребезги. Передатчик был мертв.

— И не ходи за мной, — с обидой сказала Матрешка. — А то с твоей головой будет то же самое!

— А вот это мы еще посмотрим! — сказал я, направляя на нее пистолет, которым успел разжиться у Вована.

Она только презрительно усмехнулась и пошла к двери.

— Матрешка, стой! — грозно крикнул я.

Она продолжала идти. Я прицелился. Пистолет ходил ходуном.

— Ну не могу я тебя отпустить, пойми!

— Почему? — спросила она, не останавливаясь.

— Почему! Ясно почему... А вдруг ты вернешься с целой армией, чтобы нас завоевать?!

Она обернулась в дверях.

— Да кому вы нужны...

2012 г.

Проклятие диавардов

Громадепрь сонно брел по песку, устилавшему дно неглубокой ложбины среди белых камней. Спина его мерно колыхалась в такт шагам, и Тайк Тхоорт, ссутулившись в седле, чувствовал, что его начинает укачивать. Впрочем, дело было, пожалуй, не в качке, а в беспощадно палящем солнце, раскалившем до нестерпимого блеска крутые лбы белых скал. Их глаза-пещеры со всех сторон уставились на одинокого странника и, казалось, терпеливо ожидали момента, когда он соблазнится прохладой подземелья и станет, наконец, добычей кишачих там ядовитых тварей.

Тайк поправил повязку, прикрывающую голову и плечи. Он давно заменил свой боевой шлем этим куском белой ткани, скрученным по моде жителей пустыни, ведь здесь ему не угрожало иное оружие, кроме огненных стрел, посылаемых солнцем. Шлем был привязан к седлу, ослепительно сиял начищенной медью и раскалился, как жаровня, полная углей. Только покрытая жесткой щетиной шкура громадепря могла безболезненно переносить его прикосновения.

Тропа привела всадника к вершине изборужденного трещинами холма, но и отсюда не было видно ничего, кроме посыпанных песком скал.

— Чертова пустыня! — проворчал Тайк, поднимаясь на стремянах и окидывая взглядом

горизонт. — Кругом одно и то же. Не доставало только заблудиться!

При этих словах громадебрь как-то обиженно всхрапнул, ударил копытом в камень.

— Что? — удивился Тайк. — Ты не согласен, Нуфер?

Зверь в нетерпении топтался на месте.

— Может быть, ты даже знаешь кратчайший путь к воде?

В ответ громадебрь уверенно затрусил по склону к подножию холма. Тайк не мешал ему. Он совсем опустил повод, зная, что чутье или инстинкт в конце концов приведут Нуфера к воде. Широкие раздвоенные копыта громадебря теперь энергично взрывали песок, и Тхоорт не испытывал больше качки — ему приходилось высоко подпрыгивать в седле.

Обогнув несколько каменных лбов, Нуфер вынес всадника к руслу высохшего ручья и остановился, приняхиваясь.

Тайк похлопал громадебря по холке.

— Все это прекрасно, дружище. Весной, вероятно, здесь шумел дивный поток. Но мы не можем ждать следующей весны, вода нужна нам сейчас.

Нуфер только поводил рылом, шумно втягивая воздух. Он ничуть не был обескуражен и смело двинулся дальше — по дну русла в

направлении большой белой скалы. Некоторое время спустя Тайк и сам почувствовал нечто необычное — не то легкое прохладное дуновение, не то тончайший аромат какого-то растения — и сейчас же заметил в тени у подножья скалы несколько пучков зелени.

— Там вода! — радостно воскликнул он. — Ай, да Нуфер!

Он пустил громадепря галопом и скоро уже с наслаждением подставлял лицо под холодную сверкающую струю. Источник помещался в довольно обширном углублении под скалой и был окружен зарослями густого кустарника. Вода, бившая из расщелины на уровне человеческого роста, одевала камни прозрачной пленкой и исчезала в песке без остатка, за исключением тонкого ручейка, который наполнял лужицу в самом центре углубления.

Лужица моментально стала добычей Нуфера. Громадепря лакал не останавливаясь, пока не вылизал ее досуха. Тайк тоже напился, лоя ртом влагу, стекающую по камню. Он намочил голову, освежил спину и грудь, однако еще долго не находил в себе сил оторваться от мокрых прохладных валунов.

— Здесь мы передохнем, Нуфер, — сказал он. — Ты заслужил полдня хорошего сна в тени этих кустов и столько воды, сколько способна

вместить твоя ненасытная утроба. Потерпи, вот я сделаю еще глоток и освобожу тебя от седла.

Тхоорт снова припал было к воде, как вдруг неясная тень пронеслась по кустам и на мгновение закрыла солнце. Тайк обернулся и увидел в небе черный силуэт с громадными перепончатыми крыльями, стремительно снижавшийся над Нуфером.

Громадепрь угрожающе зарычал, но толстая короткая шея мешала ему поднять голову и встретить врага своим главным оружием — длинными клыками — кинжалами.

— Ко мне, Нуфер! — крикнул Тайк, бросаясь на выручку своему верному другу. Крылатое чудовище опередило его. Страшные когти сомкнулись на спине громадепря, но только вспороли седло. Нуфер рванулся в сторону и с неожиданным для такой туши проворством развернулся мордой к врагу. Крылатая тварь обнажила длинный ряд треугольных зубов, но взлетела чуть выше. Видимо, она почувствовала, что добычу не унести целиком. Этой заминки хватило Тайку, чтобы добежать до громадепря и выхватить из петель у седла свой боевой посох. Щелкнула пружина, и острое, как бритва, лезвие длиною в локоть появилось на конце посоха. Быстро перебирая руками, Тайк раскрутил оружие над головой так, что в воздухе повис сияющий круг.

Появление нового противника в первую минуту смутило чудовище, но не заставило отказаться от нападения. Выставив вперед когтистые лапы и бешено размахивая длинным тонким хвостом, оно ринулось на Тайка. Тхоорт был готов к атаке и встретил противника неожиданным длинным выпадом. Лезвие коснулось чешуйчатой лапы и заставило чудовище резко изменить направление полета. Оно плюхнулось на землю перед Тайком и подобрало крылья. С радостным криком Тайк бросился вперед, чтобы добить врага но черная тварь вдруг резко оттолкнулась от земли и совершив гигантский прыжок через голову Тхоорта, оказалась позади Нуфера.

Шипастый хвост обвился вокруг задних ног громадепря, чудовище взмахнуло крыльями и поволокло беднягу Нуфера по земле.

Ноша была нелегка для хищника, и все же Тайк понял, что пешком за ним не угнаться. Он торопливо вскинул посох на плечо, направил его вслед удаляющемуся крылатому силуэту и нажал вторую скрытую пружину. Тяжелая стальная стрела сверкнула на солнце и впилась в тело чудовища под крылом. Отчаянный вопль разнесся над пустыней. Черная тварь качнулась, выпустила Нуфера, приземлилась неловко, взрыв когтями тучи песка, и проворно заковыляла прочь. Одно крыло ее

волочилося по землі.

Врочем и таким способом раненое чудовище сумело бы уйти от Тайка, если бы не громадепрь. Едва коснувшись ногами земли, Нуфер повернулся к врагу и бросился в атаку. Ярость клокотала в нем. Ни когтистые лапы, ни широкие крылья, ни длинный хвост, унизанный шипами, не помогли чудовищу. Умело уклоняясь от ударов, ни на мгновение не давая врагу передышки, Нуфер пролез под самое брюхо чудовища, извернувшись, вспорол его снизу доверху клыками и сейчас же отскочил в сторону.

Крылатая тварь в агонии заметалась по песку, разливая потоки черной крови. Громадепрь гордо поднял голову и прокричал победу. Подоспевшему Тайку оставалось только прикончить смертельно раненного врага. Клинок его посоха глубоко вонзился в горло чудовища, и оно затихло.

— Хорошо, Нуфер, хорошо! — Тайк подошел к громадепрю и взлохматил его короткую гриву. — Мы еще годимся с тобой для дела, старичок. В нас можно еще узнать солдат Странствующей армии, а?

Громадепрь издал короткий рык.

— Ну, ну! Успокойся, боец! Твой враг уже не встанет, он мертв.

Нуфер снова зарычал и потянулся рылом в сторону кустов, росших по краю впадины. Тайк взглянул туда и увидел быстро оползающий по

склону песок.

— Эй, кто там? — крикнул он, перехватывая посох поудобнее.

Затрещали ветви, и из зарослей показалась человеческая голова, за ней вторая.

— Не беспокойтесь из-за нас, сударь, — прокричала первая голова, — мы мирные горожане.

Тайк усмехнулся.

— Горожане? Тогда что же вы делаете в пустыне? Горожанам следует жить в городе.

— Совершенно справедливо, сударь! — заулыбалась голова. — Однако, позвольте сообщить вам, что город расположен совсем недалеко отсюда.

— Да, да! Тут рукой подать до города-то! — закивала и вторая голова.

— Ах, вот как! — оживился Тайк. — Что ж, это добрая весть. Подойдите-ка сюда, господа горожане, мне необходимо хорошенько расспросить вас. Что это вы забрались в кусты?

— Мы увидели крылана, ваша милость, и спрятались.

— Так эта тварь зовется крыланом?

— Да, сударь. Они живут в окрестных пещерах и охотятся только по ночам. Страшно представить, что могло выгнать крылана из-под земли среди бела дня. Это очень дурной знак.

Оба горожанина сокрушенно закачали

головами.

— Пусть так, — сказал Тхоорт. Он слишком часто подвергался непосредственной опасности, чтобы обращать внимание на всяческие предзнаменования.

Горожане, опасливо поглядывая на Нуфера, все еще не решались выйти из кустов.

— Подойдите, подойдите, не бойтесь! — повторил Тайк. — Я вижу теперь, что вы люди мирные и добрые.

— Спасибо, сударь! Но вот ваш... м-м... спутник... Понимает ли он это?

— Не сомневайтесь. Нуфер — самое добродушное в мире создание.

— Конечно, конечно, — закивали сидящие в зарослях, припоминая вспоротое брюхо крылана.

Тем не менее, оба выбрались из кустов и осторожно поползли по песчаному откосу вниз. Громадепрь, казалось, понял, что тревожит этих людей. Презрительно хрюкнув, он отвернулся от них и направился к своей луже, успевшей уже наполниться водой.

Тайк с помощью горожан занялся убитым крыланом. Втроем они перевернули окровавленную тушу и извлекли стрелу.

— Сударь, — осторожно начал один из горожан, назвавшийся Бакумом, — если крылан больше не нужен вашей милости, не прикажете ли

нам забрать тушу для своих нужд?

— Можете делать с ней все, что угодно, — сказал Тайк, — только на что она вам? Разве мясо крылана годится в пищу?

— Ну что вы! — Бакум брезгливо скривился. — Мы используем только шкуру и крылья.

— С крыльев самая кожа на сапоги, — прибавил его товарищ, которого звали Рук, — если желаете, так я сведу вашу милость к Нилему — сапожнику...

— Боюсь, у меня нет времени дожидаться новых сапог. Я солдат Странствующей армии и спешу присоединиться к войскам принца. Кстати, не проходил ли он через ваш город?

Горожане удивленно переглянулись.

— О каком принце угодно говорить вашей милости? — спросил Бакум.

— Черт возьми! О принце Тако Ченкоме, разумеется! Вся пустыня знает его Странствующую армию, прозванную также Пыльной Бурей.

Бакум вопросительно посмотрел на Рука, но получил в ответ лишь такой же недоуменный взгляд.

Сударь, — неуверенно начал он, — простите нам наше невежество... то есть... ну да, конечно! Войска принца как же! Без сомнения... Словом, я полагаю что в городе вы получите самые

подробные сведения.

— Тогда едем немедленно!

— Как вам будет угодно, сударь, — поклонился Бакум и добавил, обращаясь к Руку:

— Побудь здесь. Я провожу его милость в город и вернусь с телегой. Да смотри, не зевай, как в прошлый раз. Если наша добыча снова достанется нюхарям ты у меня попляшешь!

Обнадежив таким образом своего товарища, Бакум выразил готовность отправляться в путь.

2

...В очереди за крупой говорили разное. Одни считали ночной налет на продовольственные склады новой «визиткой» Кольки Крутого и в доказательство приводили косвенный слух, будто налетчики были на мотоциклах. Банда Кольки росла и крепла день ото дня, молодежь к нему валом валила, последний пацан понимал теперь, что жизнь в банде безопасней, прибыльней и, главное, интересней чем зыбкая, беззащитная самостийность.

Кому же и быть с мотоциклами, говорили в очереди как не Колькиной шпане?

Да какие там мотоциклы, возражали другие. Много ты на мотоцикле увезешь? А склады-то пустые стоят! Ветер гуляет. Куда продукты

девались? Известно, куда. Сами же складские и разворовали. Главную часть, конечно, раньше, а остатки — этой ночью. Погрузили на десять грузовиков и по начальству развезли. Вот тебе и ограбление.

Олег не особенно прислушивался к разговорам. Он, как и большинство стоявших за крупной, был уверен, что налет на склады — дело рук покойников с Базы. Первый раз, что ли? Догнивающая в лесу падаля только так себя и снабжала. Правда, какие-то грузы туда, в бывший поселок ликвидаторов, еще возили по старой памяти, но год от года все реже, да этим и не прокормить было разросшееся тамошнее население. Оно, конечно, со временем поголовно вымирало, но непрерывно обновлялось за счет стекавшихся туда зараженных.

А вообще-то, покойники, банда или начальство — не все ли равно? Главное, что продуктов теперь нет, и пока их откуда-нибудь не подвезут, нечем будет отоваривать талоны. Олег сплюнул.

И так за каждым куском приходится стоять в очередях, а теперь что будет, и вовсе неизвестно. С утра, едва прошел слух об ограблении, весь район кинулся занимать очереди у дверей магазинов в надежде заpastись хоть последними, не распроданными еще продуктами. Вряд ли сегодня

хоть один человек вышел на работу, кроме торговых. Эти-то, конечно, прибежали, кому надо и не надо. Однако магазин открывать не торопились, отвечивали сначала себе и своим, у служебного входа ведь тоже собралась очередь.

Олег встал на цыпочки и попытался пересчитать головы впереди себя. Что ж, шансы есть, может и хватить. Интересно, как там у Зои? Жена стояла у кондитерского с талонами на сахар. Его на складах, правда, не было и до налета, но, говорят, вчера в кондитерский успели завезти карамель и сегодня могут выкинуть по сахарным талонам...

Когда-то Олег терпеть не мог стоять в очереди, предпочитал обходиться без дефицитных излишеств и радовался введению талонов, гарантирующих, как он говорил, «удовлетворение нормальных потребностей». Но талонами сыт-умыт не будешь, а муки и мыла, спичек и хлеба с началом эпидемии не стало хватать не то что на нормальные, но даже и на самые усеченные потребности. Подвоза нет. Пришлось-таки становиться в очередь.

Магазин открыли перед самым обедом. Сейчас же откуда-то из-за угла с ревом налетела толпа посторонних и, не обращая внимания на очередь, пошла на штурм дверей. Какого-то мужика, обеими руками сжимавшего огромную

охапку талонов, подняли над головами и забросили в магазин. Оттуда мешками пошла крупа. Трое человек штабелевали мешки на газоне, еще пятеро — охраняли подступы.

Народ взвыл. Задние надавили на передних, в дверях произошла короткая свалка, волна отхлынула было, но сейчас же навалилась с новой силой, и очередь вдруг с нехорошей быстротой пошла вперед. Зажатого со всех сторон Олега внесли на крыльцо, где под ноги попало что-то живое, дергающееся, в дверях стиснули так, что крикнуть не хватило бы воздуха, и, наконец, запихнули в магазин. Здесь в груди шевелящихся тел еще мелькали обломки сметенного толпой прилавка и разорванные в клочья мешки. Крупа устилала пол, а на ней в два слоя копошились люди. Олег полез было в карман за сумкой, но ее не оказалось, наверное, вытряхнули в давке. Однако, раздумывать было некогда, он рванул за плечи одного из ползавших, втиснулся вместо него и принялся подгрести крупу под себя...

— Сегодня в школе опять покойника гоняли, — сказал Пашка, уплетая кашу.

— Зачем же его гонять? — Олег отложил газету и строго посмотрел на сына. — Он ведь не виноват.

— А чего он ходит? Заразу носит... Да и

зачем ему теперь школа?

— Если бы к ним не лезли, никакой заразы бы не было, — сказал Олег. — А то ваши балбесы устроят драку, носы раскровавят друг другу, а врачи потом удивляются: как это в школе вирус передается?

Официально считалось, что ретровирус «СВС» или, попросту, покойницкий глаз, передается исключительно через кровь, и носители его для окружающих не опасны, если соблюдать кое-какие предосторожности. Но в народе бытовало свое мнение на этот счет. Зараженных звали покойниками и падалью, старались избавиться от них любыми средствами.

— Ну и как же его гоняли? — спросил Олег.

— В ихнем классе, когда узнали, сначала сговорились на уроки не идти, он один в школу притащился. Училка, как увидела это, сразу все поняла и тоже — ходу. Ну, вышел он из класса, а там его уже ждали, кто с палкой, кто камней набрал...

— Звери какие-то, а не дети! — возмутился Олег. — Мать, ты слышишь?

В кухню вошла Зоя.

— Слышу, слышу. Неужели нельзя принять такой закон, чтобы всех выявленных сразу отправлять на Базу?

— Ну да, корми их там... — буркнул Олег. Он

изо всех сил старался относиться к покойникам, как все, но у него пока плохо выходило. Не то чтобы жалость овладевала им, скорее — удивление. Он никак не мог понять, за что ему ненавидеть этих вчерашних людей, заживо похороненных сегодня в сознании окружающих.

— А когда они тайком сюда пробираются, это лучше, да? — сказала Зоя.

— Ты, Пашка, смотри, чтоб на пушечный выстрел к покойнику не подходил! Лучше дома сиди, пока его из школы не спровадят, я разрешаю... Как его фамилия-то была?

Пашка, опустив нос в тарелку, тихо сказал:

— Зарецкий.

— Что?! Костя?!

Пашка молча кивнул и, выбравшись из-за стола, ушел в комнату. Олег посмотрел на жену.

— Да ведь он же из нашего дома! — испуганно прошептала Зоя.

Словно в ответ ей во дворе раздался звон стекла и раскатистый хохот, подхваченный сразу десятком голосов.

— Начинается! — Олег открыл окно и выглянул во двор.

Перед домом уже собралась толпа, изо всех окон торчали головы жильцов. Со стороны четвертого подъезда — как раз там была квартира Зарецких — доносились неразборчивые крики и

размеренные, гулкие удары. Хлопнул выстрел.

— Ого! Палят! — сказал Олег.

— Убери голову! Отойди от окна сейчас же! — всполошилась Зоя. — Не хватало еще пулю из-за падали получить!

— Да это внутри, в квартире. Непонятно, отстреливаться, что ли решили? Сумасшедшие...

— Да им теперь все равно...

— И где это Зарецкие оружие взяли? — Олег покачал головой. — Разорвут ведь их...

Но выстрелы больше не повторялись. Из подъезда вдруг повалил народ, толпа на улице раздалась, оставляя широкий проход. Последним, поминутно оглядываясь, вышел человек с топором.

— Идут, идут! — Олег еще дальше высунулся в окно. Зоя тоже подошла посмотреть.

Во дворе наступила такая тишина, что стали отчетливо слышны шаги нескольких человек, медленно спускавшихся по лестнице.

Первым показался Зарецкий с Костей на руках. Голова мальчика была запрокинута, рука повисла плетью. Следом Зарецкая вела мать. Старуха голосила — молилась, что ли? — и тут же грозила кому-то, потрясая над головой сухонькими кулачками.

Никто из них словно бы и не замечал выстроившейся вдоль дороги толпы. Они ни разу не оглянулись назад, на оставляемый дом, и ушли, без

вещей, одетые кое-как, по направлению к шоссе, ведущему в лес.

Олегу стало не по себе. Зоя, видимо, тоже, она поспешно произнесла:

— Так и надо! Не будут путаться с кем попало.

— Откуда ты знаешь, что они путались?

— Да кто ж не знает, как вирус подхватывают?

Олег пожал плечами.

— По-разному...

Толпа во дворе зашевелилась, но проход по-прежнему оставался свободным, людям не хотелось и наступать на то место, где только что прошли покойники. Шум постепенно усиливался, кто-то предложил поджечь квартиру, и уже двинулись было обратно в подъезд, но соседи закричали страшно, умоляли пощадить, клялись протравить и просмолить в квартире каждый сантиметр, а вещи сжечь во дворе сегодня же.

Кое-как уговорили, высыпав всем подъездом, повернули толпу и повели ее прочь от дома, затем, дескать, чтобы проследить, не попытаются ли покойники как-нибудь остаться в городе.

Олег схватил пиджак и направился к двери.

— Куда ты? — испуганно спросила Зоя. — Смотри, же темнеет! Чего ты там не видел?

Да никуда... сейчас вернусь!

Он и сам еще толком не знал, что собирается делать. Острая неотвязная тоска, сдавившая вдруг сердце, не давала ему покоя, гнала из дома, он чувствовал, что должен куда-то пойти и что-то увидеть.

Двор опустел, в четвертом подъезде тоже никого не было (почти все жильцы ушли провожать толпу). Олег беспрепятственно поднялся на площадку второго этажа и остановился перед дверью квартиры Зарецких.

Дверь рубили топором, а затем вырвали вместе с косяком, хотя открывалась она вовнутрь. Изнутри ее подпирали одежный шкаф и большой письменный стол, но все это тоже было изрублено и сокрушено.

Олег осторожно пролез в пролом и оказался в коридоре квартиры. На полу поблескивала лужица крови, он постарался обойти ее как можно дальше. Цепочка засохших кровавых пятен тянулась от лужицы в комнату. С виду здесь все осталось нетронутым, только место, где стоял шкаф, обозначилось пыльным прямоугольником.

Значит, драки тут не было, подумал Олег. Как только до них добрались, они без сопротивления покинули квартиру. Тогда чья это кровь? И кто в кого стрелял?

Дорожка из пятен пересекала ковер и уходила в спальню. Олег заглянул туда. Постель была не

заправлена, подушка залита кровью, везде валялись осколки стекла из выбитого окна...

А на полу возле кровати лежал пистолет.

Стрелял сын. В себя. Олег понял это, едва окинул взглядом комнату. Для Кости Зарецкого это был единственный способ спастись от озверелой толпы и целого года мучений в ожидании смерти.

Да, подумал Олег. Лучше так. Год жить покойником — кто это выдержит? Мы зовем их падалью. Да они и в самом деле не люди — так, источник заразы. И не в том дело, что они не заслуживают сочувствия, а в том, что никакое сочувствие им уже не поможет. Им ничто не поможет, не позже чем через год их не будет.

Вот люди постепенно и привыкли — не жалеть. Это ведь только обреченный не может привыкнуть к тому, что он обречен. У остальных есть заботы поважней. Добро бы, думаем, было навалом еды, навалом жилья, всего навалом — можно было бы как-то помогать зараженным, кормить, одевать, сострадать. Но ведь сил не хватает! Пойди-ка, возьми-ся помогать, когда у тебя у самого в доме нет хлеба, нет воды, нет тепла, когда тебе нечего надеть, и все вокруг волком смотрят друг на друга. С подозрением, с завистью. А тут еще бандиты обнаглели, разбойничьи шайки открыто бродят по улицам и среди бела дня лезут в окна и двери — грабить.

Лечить покойницкий глаз нечем — тут ничего не поделаешь, а значит, и делать ничего не надо. А чтоб самим не заразиться — гнать эту падаль вон из города! Жечь их барахло вместе с квартирами! Не спасти, так уничтожить! — вот наш любимый принцип.

Но ведь зараженный вчера еще считался человеком! Бедным, голодным, но полноценным, не хуже других. Каково ему в одночасье поставить крест на всей своей жизни и начать относиться к самому себе, как падали? Да еще окружающие постараются напоминать ему, кто он есть, при каждом удобном и не удобном случае...

Хорошо, если он вооружен. Тогда можно хоть...

На лестнице вдруг раздались шаги, зазвучали голоса. Сам не понимая, зачем, Олег шагнул в спальню, поднял с пола пистолет и сунул его в карман.

3

Зеленая долина, вдоль которой вытянулся город Паймак, оказалась всего в получасе ходьбы от источника. По дну долины протекала река, широко окаймленная деревьями, домами и огородами жителей города. Некоторые здания по величине и красоте не уступали дворцам знати в

столице короля Пишу Ченкома, которую Тайку не раз доводилось посещать.

— Да, ваша милость, — сказал Бакум, заметив удивление в глазах Тайка, — городок, как вы можете видеть, не так уж мал...

— Да это просто чудо! — Тхоорт переводил взгляд с одного каменного дворца на другой. — Подумать только, посреди пустыни, на узенькой полоске земли, среди безжизненных песков — и такие роскошные дворцы! Ты можешь гордиться своим народом, если он дает миру столь искусных мастеров.

— Увы, сударь, все эти здания созданы не моим народом. Среди нас живет много пришельцев из дальних, неведомых земель. Мы лишь даем им приют — место в нашей долине. Все они образуют как бы единое племя и зовут себя диавардами. Эти люди искусны в войне, с ними никто не сравнится в мастерстве возведения зданий, вероятно, они были бы самым счастливым и богатым народом на земле, если бы не проклятие их рода...

— Проклятие рода? — переспросил Тайк. — А в чем оно заключается? Вопрос, казалось, смутил Бакума. Он бросил быстрый взгляд на Тайка и сейчас же отвел глаза.

— Видите ли, ваша милость, ничего определенного об этом не известно... Диаварды, хотя и живут среди нас, не терпят, чтобы

кто-нибудь лез в их дела. Впрочем, нужно отдать им должное, в нашу жизнь они тоже не вмешиваются. Единственное, что я могу сообщить вам — народ этот вымирает.

— Отчего же?

— Неизвестно. То есть рассказывают много всякого. Труднее всего отделить правду от небылиц.

Беседуя, спутники спустились в долину и оказались на широкой городской улице, с одной стороны которой поднимались дома, а с другой бежала, извиваясь, речушка, дававшая жизнь всему городу. Бакум резво шагал сбоку от громадепря, Тайк сидел в седле, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Если бы сородичи диавардов не приходили постоянно в Паймак со всех концов пустыни, их давно уже не осталось бы ни одного. С другой стороны, никто никогда не видел похорон диаварда. Они просто исчезают один за другим и больше не появляются, а их дома занимают новые, пришедшие издалека..

— М-м-да-а... — задумчиво протянул Тайк, — любопытный народ...

— О, сударь, если вы действительно находите его любопытным, то это очень кстати, — заметил Бакум и на вопросительный взгляд Тайка улыбнулся не без лукавства. — Просто я подумал,

что ваша милость не захочет, вероятно, ютиться в жалкой лачуге какого-нибудь бедняка, тогда как в любом из домов господ диавардов вас ждет удобное помещение и пышный стол.

— Стол! — оживился Тайк. — Вот чудесная мысль! Так они радушные хозяева, эти диаварды?

— Для всех путешественников, ваша милость. Гостеприимство у них в крови.

— Прекрасно, Бакум. Куда же ты посоветуешь мне постучаться?

— Пожалуй, к господину Норону, его дом ближе всего. Вон он, под красной черепичной крышей.

Через минуту спутники были у ворот сада, окружавшего большой двухэтажный дом, украшенный четырьмя башенками. Тайк спешил и тут только обратил внимание на то, что солнце уже склонилось к закату.

Бакум перехватил его взгляд и сразу же заторопился.

— Ах, сударь, ведь Рук ждет меня там с телегой! Вот что значит приятная беседа, я совсем забыл о нем, бедняге! Теперь, когда вы у цели, позвольте мне покинуть вашу милость и пожелать вам приятного отдыха.

Тайк поблагодарил любезного горожанина и, распрощавшись с ним, постучал в ворота. Поначалу это не возымело никакого действия, и лишь после

того, как Тхоорт воспользовался посохом, чтобы ударить погромче, из-за забора слышались неторопливые шаги.

Громадепрь вдруг беспокойно фыркнул и попятился от ворот.

— Что с тобой, Нуфер? — тихо спросил Тайк. — Ты чувствуешь опасность?

Он положил руку на голову громадепря и ощутил крупную дрожь, сотрясавшую могучее тело зверя. Шаги между тем приблизились, лязгнул засов, и створки со скрипом начали расходиться.

Тайк взял посох наизготовку, однако никого перед собой не увидел. Ворота распахнулись настежь, открывая вид на аллею, ведущую к дому. Нигде не было ни души. Тайк осторожно ступил под арку ворот и тут только заметил одинокую черную фигуру, удалявшуюся по боковой дорожке сада.

— Куда же вы, любезный! Послушайте! — Слова Тхоорта не достигли ушей черного привратника, или же он просто не обратил на них внимания. Согнутая фигура в последний раз мелькнула среди деревьев и пропала.

— Ничего не скажешь, радушный прием, — сказал Тайк, оборачиваясь к Нуферу. — Кажется, нам предлагают распорядиться здесь по своему усмотрению. Ну что ж, идем к дому!

Громадепрь нерешительно последовал за

хозяином. Всем своим видом он показывал, что не ждет ничего хорошего от этого визита.

В глубине аллеи под густыми кронами было уже совсем темно, лишь впереди маячили окна дома, слабо различимые в быстро надвигающихся сумерках.

— Хоть бы один огонек! — пробормотал Тайк. — Уж не пустует ли дом? Деревья расступились, открывая обширную площадь перед крыльцом. Тут только Тайк заметил, что двери дома широко распахнуты, словно кто-то настойчиво приглашает его войти внутрь.

— Нуфер, ты остаешься здесь, — негромко произнес Тхоорт.

Громадепрь недовольно заворчал.

— Ну не могу же я взять тебя с собой в дом! Потерпи, я только переговорю с хозяином и вернусь, чтобы позаботиться о тебе. Смотри же, будь молодцом. И вообще... поглядывай тут.

Дом казался совершенно покинутым. Тишина царила в темных комнатах, и Тайк, проходя их одну за другой, невольно старался ступать бесшумно. Он миновал длинную анфиладу помещений нижнего этажа и никого не обнаружил. Анфилада завершалась коридором, в конце которого царила уже и вовсе крошечная тьма. Пришлось нащупывать дорогу посохом. Шагах в двадцати от начала коридора обнаружилась лестница, ведущая

наверх, но также ничем не освещенная.

«Если бы я не был наслышан о гостеприимности господина Норона, — подумал Тайк, — то стал бы, пожалуй, остерегаться ловушки. Уж очень здесь мрачно и как-то... загадочно».

Лестница привела его в большой двухцветный зал на втором этаже. Огня не было и тут, но бледное еще небо за окнами позволяло различить очертания отдельных предметов.

Неожиданно смутная тень шевельнулась в противоположном конце зала, и под сводами зазвучал сильный голос:

— Кто бы ты ни был — входи!

Пламя свечи, укрытое до тех пор под каким-то хитроумным колпаком, осветило дальний конец стола, занимающего почти весь зал. За столом в просторном кресле с высокой спинкой сидел человек. Его худое бледное лицо в обрамлении седых волос, казалось, само излучало матовый свет.

— Подойди же! — властно произнес он.

Тайк приблизился.

— Кто ты, и зачем пришел?

Тхоорт чуть было не ответил грубостью на этот не слишком учтивый вопрос, но едва заметная дрожь, внезапно прозвучавшая в голосе старика, заставила его сдержаться. Он бросил взгляд на обнаженный меч, лежащий на столе, и подумал.

«Этот человек отчаянно боится чего-то».

В самом деле, старик, впериw в Тайка настороженный взгляд, застыл неподвижно, как будто был не в силах пошевелиться или, напротив, готовился совершить стремительный бросок.

— Я постучал в ворота этого дома, — спокойно начал Тхоорт, — потому что мне рекомендовали его хозяина, господина Норона, как одного из самых благородных и гостеприимных людей в городе. Мое имя Тайк Тхоорт, я офицер Странствующей армии принца Тако Ченкома.

Страх в глазах старика сменился удивлением. Он подался вперед и поднял свечу повыше.

— Что? Странствующая армия? Ченком? Уж не хотите ли вы сказать, что являетесь подданным короля Пишу Ченкома, проzванного Покровителем астрономов?

— Именно так, — кивнул Тайк. — Я был ранен в битве на западном побережье, весть о которой, возможно, уже дошла в Паймак, и теперь спешу присоединиться к Странствующей армии.

— Да ведь ее давно... — старик осекся и окинул Тайка с ног до головы быстрым и острым взглядом. — Ах, вот оно что! Любопытно!..

Он встал со своего места и шагнул навстречу Тхоорту.

— Прошу простить меня. Я ждал другого посетителя и поначалу принял вас за него. Увы,

сегодня Аллеру Норону уже не удастся блеснуть тем гостеприимством, о котором вы любезно упомянули, но я сделаю для вас все, что в моих силах.

— Так я, вероятно, некстати? В таком случае позвольте мне немедленно удалиться и, пожалуйста, извините за непрошенное вторжение. — Тайк поклонился и хотел было направиться к выходу, но хозяин остановил его.

— Нет! Не уходите! — сказал он с испугом. — Ведь вам нужно помещение, не так ли? Я предоставляю в ваше распоряжение весь дом. Будьте здесь полным хозяином... тем более, что вы, вероятно, останетесь им надолго.

Последние слова Норон произнес так тихо, что Тайк не был уверен, действительно ли он слышал их. Некоторое время старик уныло молчал, уставившись в одну точку.

— Да! — воскликнул он вдруг. — А обед! Что же это я кормлю гостя пустыми разговорами! Сейчас мы что-нибудь соорудим...

Норон потер руки с искусственным оживлением.

— Когда-то я был совсем не дурным кулинаром, — сказал он, смеясь. — Придется вспомнить былые секреты южной кухни и самому взять в руки нож. Дело в том, — пояснил он, вздыхая с печальной улыбкой, — что все мои слуги

разбежались... Ну да это пустяки. Располагайтесь, прошу вас, и не обращайтесь внимания на мою мрачную физиономию. Вам в этом доме ничто не угрожает, или, во всяком случае, у вас еще есть время... Ну, довольно об этом. Теперь — пир и отдых!

Час спустя Тайк, привыкший в своих долгих скитаниях по пустыне обходиться без слуг, уже сидел за столом. В течение этого времени он успел позаботиться о стойле для громадепря, вымылся горячей водой, переделся и вступил во владение двумя роскошно убранными комнатами во втором этаже замка господина Норона.

Хозяин также не терял времени даром и с гордостью подал на стол целую грудку всевозможных аппетитно пахнущих кушаний. Вино его оказалось превосходным. Честное, открытое лицо Норона не давало повода заподозрить его в коварстве, а Тхоорт привык в таких случаях доверять своим симпатиям. Тем не менее, после третьего или четвертого бокала вина он небрежно спросил:

— Никак не возьму в толк, дорогой хозяин, что это вашим слугам вздумалось разбежаться? Здесь уютно и в то же время просторно, порядок и роскошь... где найдут они другой такой дом, а главное — другого такого хозяина?

Норон поморщился и махнул рукой.

— А! Невежественные люди, вот и все. Они воображают, что подвергаются здесь опасности... Какой вздор! Счастье еще, что, уходя, они забыли запереть ворота, иначе я был бы лишен удовольствия принимать вас у себя. Но довольно жалеть об этих трусах! Когда они вернутся и станут проситься обратно на службу, ни одного из них не следует принимать, это послужит им хорошим уроком.

— Вы несправедливы к вашим людям, — возразил Тайк. — Не все они покинули дом. И удовольствием нашего знакомства мы обязаны в первую очередь привратнику, который был настолько любезен, что открыл передо мной ворота, не поинтересовавшись ни именем моим, ни званием.

Господин Норон замер, не донеся бокал до рта. Глаза его с испугом уставились на Тайка.

— Привратник? — тихо произнес он. — Вы видели привратника?

— Мне не удалось хорошенько его рассмотреть. Могу сказать лишь, что это человек среднего роста, одетый в какой-то черный балахон. Он отпер замок и сейчас же удалился, ни слова не сказав. Я даже не видел его лица.

— Ваше счастье, — прошептал Норон. Вино текло по его пальцам, судорожно сжимавшим непослушный бокал. — Итак, он уже здесь. Что ж,

пускай! Мы еще посмотрим...

Тайк не мог больше притворяться равнодушным.

— Послушайте, дорогой хозяин! Я не ребенок и отлично вижу, что в вашем доме что-то все-таки происходит. Вы говорите, опасность никому здесь не угрожает... За исключением самого господина Норона, замечу я. Ведь так?

Норон упрямо покачал головой.

— Нет, нет, все в порядке, — сказал он, — не обращайтесь внимания! Вам не следует ни о чем беспокоиться.

— Но этот человек в черном, — продолжал Тайк, — разве он не привратник?

— ... И не человек, — произнес Норон, мрачно усмехнувшись. — Впрочем, что за вздор мы несем на ночь глядя!

— Пойдите! Ваше деланное веселье не обманет меня. Скажите мне правду. Сегодня от одного из местных жителей я услышал о проклятии диавардов...

Тайк умолк, встретив пристальный взгляд старика. Тот некоторое время всматривался в его лицо, а затем медленно опустил голову.

— Да, — сказал он. — Злая сила преследует мой народ, отнимая у нас, одного за другим, стариков и молодых. Иногда ее посланец является в человеческом облике, иногда — в образе

кошмарного исчадия, способного нагнать страху даже на чудовищных обитателей окрестных пещер.

Сегодня утром я видел крылана, парящего над долиной. Это верный признак. Впрочем, безошибочный инстинкт всегда заранее предупреждает жертву о приближении одной из тварей, посланных Колдуном — такое имя дали мы нашему неведомому врагу, чтобы хоть как-то его называть. Теперь я могу сказать определенно: этой ночью наступает моя очередь отправиться в его пекло.

— Но разве нельзя... — хотел было возразить Тайк. Норон не дал ему сказать.

— Замолчите! Я знаю, что вы сейчас предложите. Еще ни разу посторонняя помощь не спасла намеченную Колдуном жертву! Чем больше людей пытаются защитить обреченного, тем ужаснее бывает его конец. Сила Колдуна беспредельна, никакими армиями его не одолеть. Потому-то я и отказался от помощи соплеменников, потому-то я прошу и вас, моего гостя, вступающего во владение этим домом: не мешайте мне встретиться с черным человеком один на один. Кто знает...

Старик замолчал глядя на пламя свечи.

Во всем доме было тихо, как в могиле, но Тайк невольно вслушивался в эту тишину, и иногда ему начинал чудиться отзвук шагов.

Неужели все рассказанное Нороном — правда? Неужели где-то поблизости действительно бродит убийца, чудовище в образе человека?

— Наступает ночь, — произнес Норон, — это его час. Разойдемся же по своим комнатам и вверим свою судьбу тому, кто вправе ею распоряжаться. Обещайте мне ничего не предпринимать. Надеюсь, теперь, когда вам стало все известно, вы не помешаете мне воспользоваться своим последним шансом.

Тайку ничего не оставалось делать, он дал обещание. В ответ Норон молча пожал ему руку, небрежно прихватил под мышку свой меч и гордой поступью удалился из зала.

Тхоорт вернулся к себе. В одной из отведенных ему комнат стояла огромная кровать с приставной лесенкой, ведущей к вершине горы, сложенной из перин и пуховиков. Однако, несмотря на усталость, накопившуюся за дни похода, несмотря на ночи, проведенные в пустыне, когда приходилось довольствоваться подстилкой из грубой шерсти, брошенной прямо на песок, Тайк не смог бы сейчас уснуть. События прошедшего дня не давали ему покоя. Не говоря уже о мрачной тайне народа диавардов, в которую ему поневоле пришлось проникнуть, город Паймак загадал Тхоорту немало и других загадок.

Отчего Норон упорно отказывался говорить с

ним о Странствующей армии? Почему местные жители Бакум и Рук казалось, и вовсе не слышали имени принца Тако? Возможно ли такое в пустыне, где едва ли не все постоянные обитатели знают друг друга в лицо? Да и сам принц, чей полководческий талант признают даже враги не мог оставить такой богатый и удобный опорный пункт без надежного гарнизона.

«Неужели Странствующая армия никогда не бывала в окрестностях Паймака? — думал Тайк расхаживая из угла в угол. — В какую глушь однако, меня занесло».

Тяжелый вздох вырвался у него при мысли о том что предстоят еще долгие скитания в одиночестве.

Часы на камине принялись отбивать полночь. Пойти проведать Нуфера, подумал Тайк... и в этот момент истошный крик раздался где-то в глубине дома. За ним послышался низкий утробный звук, словно кто-то пытался говорить с набитым ртом. Голос этот, или, вернее, этот рык заставил Тайка содрогнуться — столько было в нем животного удовольствия от насыщения, ликования хищника, держащего жертву за горло. Крик повторился и замер.

Тайк не мог больше оставаться на месте. Забыв Данное хозяину обещание, он выскочил в коридор со своим боевым посохом в руках. Он не

знал толком, в какой стороне находятся комнаты хозяина, и сначала направился в обеденный зал. Там было пусто, лишь на столе догорала забытая свеча. Тхоорт взял ее и приблизился к двери, через которую вышел Норон. За дверью оказался новый коридор — в точности такой же, как тот, что вел в его собственные комнаты. В доме было тихо Тайк не мог сказать наверное, отсюда ли доносился крик, заставивший так бешено колотиться его сердце. Он поднял свечу повыше и двинулся вдоль коридора, минув одну за другой безмолвные двери. Казалось, проходили часы, а он все шел и шел вперед, и отступающая тьма все дальше увлекала его за собой. Наконец, впереди показали перила-лестницы, ведущей в нижний этаж.

В этот момент ближайшая дверь беззвучно распахнулась, и на пороге появилась сгорбленная фигура человека в черном балахоне. Лица его не было видно под низко надвинутым капюшоном, но мгновенный ужас пронизал вдруг Тайка. Черный человек шагнул в коридор и, не замечая присутствия постороннего, направился к лестнице. Комната, из которой он вышел, была ярко освещена и пуста. Тайк понял, что возможность встретиться с врагом один на один не помогла хозяину дома, он погиб так же быстро, как и все его предшественники, и даже могилы его не будет в Паймаке. Таинственный Колдун одержал новую

победу, еще раз показав несчастным диавардам, в чьей власти находится их жизнь. И это произошло почти на глазах у Тхоорта! Вот он, черный призрак, убийца диавардов! Он спускается по лестнице, чтобы исчезнуть бесследно до той поры, когда ему вздумается прийти за новой жертвой. Неужели ничего нельзя сделать?

Нет, Тайк был не намерен отпускать убийцу.

— Стой! — твердо произнес он.

Шаги на ступенях замерли, черная фигура медленно обернулась. Тайк, собравшись с духом, шагнул вперед и поднял посох.

— Кто ты такой? — спросил он. — По какому праву ты несешь смерть людям этого города? Отвечай же! Покажи свои ядовитые клыки, и клянусь, я вырву их у тебя!

Безмолвный призрак поднял руку, откинул капюшон, и Тайк в страхе отпрянул. Изможденное, покрытое черными пятнами, но с первого взгляда узнаваемое, на него смотрело лицо Аллера Норона!

— Поздно, — хрипло прошептал диавард. — Я ухожу. Бороться бесполезно...

Он устремил взгляд куда-то в дальний конец коридора и вдруг заговорил очень быстро:

— Это там! На востоке! Где-то в тех землях должен быть вы...

Он не успел закончить. Неясная тень мелькнула за окном, выходящим на лестницу,

порыв ветра пронесся по коридору, где-то внизу хлопнула дверь. Свеча в руках Тайка мигнула и погасла. В наступившей темноте он скорее почувствовал, чем увидел, как нечто огромное пронеслось, не касаясь пола, мимо него, подхватило Норона и растворилось в сером квадрате окна. Тайк был один.

Немного придя в себя, он вернулся в комнату хозяина, заменил погасшую свечу тяжелым бронзовым канделябром с тремя зажженными свечами белого воска и предпринял тщательный осмотр всех комнат и залов, лестниц и коридоров осиротевшего дома. Тхоорт и сам не знал, что именно он ищет. Обойдя помещения в течение получаса и убедившись, что в доме никого нет, он вышел во двор, чтобы навестить громадепря в его стойле.

Ветер шумел в кронах деревьев, но в этом дуновении не было свежести, звезды подернулись мглистой дымкой, чувствовалась близость пустыни.

И не только пустыни, подумал Тайк. Проклятие, нависшее над городом, душит его сильнее, чем раскаленные пески.

Он уже подходил к сараю Нуфера, как вдруг, словно из-под земли, перед ним выросли две человеческие фигуры. Ни слова не говоря, они бросились на Тайка с обнаженными мечами.

Он, не успев еще толком ничего сообразить,

запустил в одного из нападавших канделябром и едва успел поднять посох, чтобы отразить удар другого противника. Первый, внезапный натиск был, таким образом, отбит. Холодно блеснул в темноте появившийся на конце посоха клинок. Боевое мастерство помогло Тхоорту: один из нападавших был сбит с ног, другому пришлось отступить. Тайк перешел было в атаку, но тут из-за деревьев высыпала целая толпа вооруженных людей, замелькали огни факелов. Оказавшись перед сомкнутым строем врагов, Тайк остановился и огляделся в поисках пути к спасению. До сарая было рукой подать, и он закричал во всю силу своих легких:

— Нуфер, ко мне!

Нападавшие невольно пришли в замешательство, когда ворота сарая с треском разлетелись в стороны, и огромная в неверном свете факелов туша громадепря стремительно ринулась в бой. Нуфер прокатился сквозь строй врагов, смял его, обратил в бегство. Послышались вопли попавших под копыта. Громадепря развернулся и остановился перед Тайком, высоко вздымая бока. Он не запыхался, просто дух схватки всегда приводил в лихорадочное возбуждение зверя, с рождения воспитывавшегося для боя. Тайк вскочил на него верхом и, размахивая посохом, полетел через аллею парка к воротам. Некогда было

задумываться над происходящим, сначала предстояло выбраться из ловушки, а уж после можно будет поразмыслить над тем, что нужно от него всем этим людям.

Однако, в тот момент, когда до ворот оставалась какая-нибудь сотня шагов, стена пламени вдруг поднялась впереди и заставила громадепря остановиться. Широкая полоса пылающей горючей жидкости пересекала дорогу, а за ней лесом топорщились длинные пики солдат.

— На сей раз тебе не уйти! — раздался высокий, звонкий голос из-за огненной стены. — Отвечай, злобная тварь, что ты сделал с Аллером Нороном?

Тайк, наконец, понял. Это были диаварды. Как и он сам, они решили вступить за Норуна, но так же, как и он, опоздали. Впрочем, пока они, кажется, придерживаются другого мнения.

— Пойдите! — крикнул Тайк. — Вы ошибаетесь! Я не посланник Колдуна!

— Ах, вот как! — ответил тот же голос. Тайку показалось, что говорит женщина. — Он вздумал водить нас за нос! А ну, ребята, поддайте-ка этому чудищу огонька! Лучников ко мне!

Однако, сейчас же вслед за этим раздался другой, хорошо знакомый Тайку голос:

— Остановитесь, ваша милость! Это же господин Тхоорт! Я сам посоветовал ему

поселиться у господина Норона!

— Что? — спросила женщина, командовавшая солдатами. — Что ты говоришь, Бакум? Да не орите, вы, там! Лучники, не стрелять! Держать на прицеле!

— Говорю вам, госпожа Даяна, я знаю этого человека! — продолжал Бакум. — Он только сегодня пришел в Паймак, мы с Руком встретили его в пустыне у Мокрого камня.

Пламя начало опадать, и Тайк увидел Бакума, стоявшего возле невысокого стройного воина в блестящем шлеме. Видимо, это и была госпожа Даяна.

— А что это за зверь с ним? — спросила она Бакума.

— Это его скакун, ваша милость. Мне приходилось слышать о таких. Когда-то их ловили в лесах на севере и приучали ходить под седлом. Жаль, что вы не видели, как он расправился с крыланом!

— Ну, он успел еще кое с кем расправиться... — сердито проворчала Даяна.

Из темноты выступила новая группа людей. Во главе ее шел важный пожилой человек в богато расшитом одеянии.

— Погасите огонь, — властно произнес он.

Солдаты бросились исполнять приказание. Через минуту огненный ручей был засыпан песком.